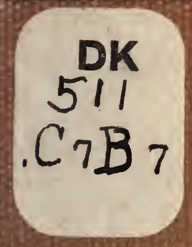

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Егору Петровичу

г. [illegible]скому

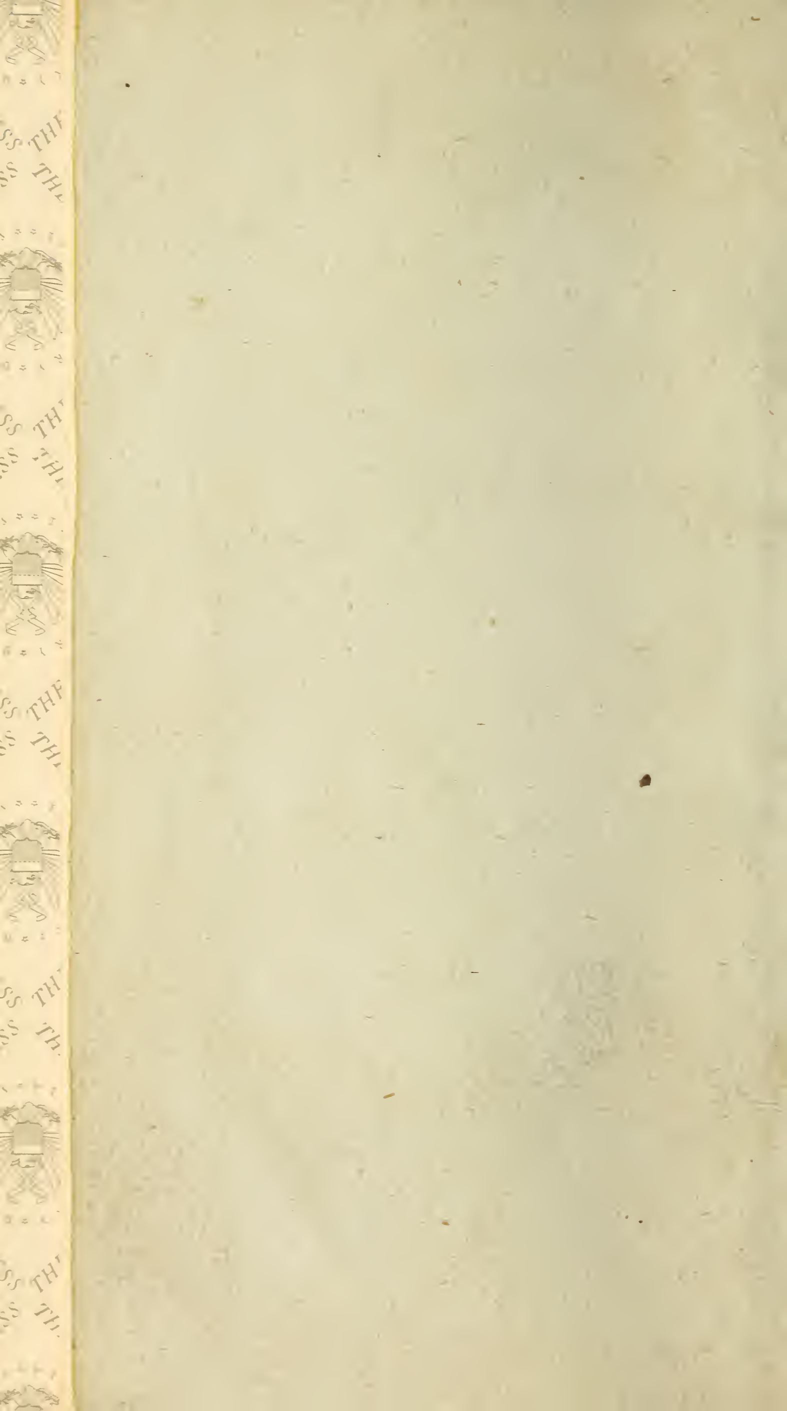
на память

отъ преданнаго ему.

[illegible]

2 Августа 1829

в Москвѣ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ОБОЗРѢНІЕ

ЮЖНАГО БЕРЕГА

ТАВРИДЫ.

Въ 1815 году.

* * *

ВЪ ТУЛѢ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1822 Года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

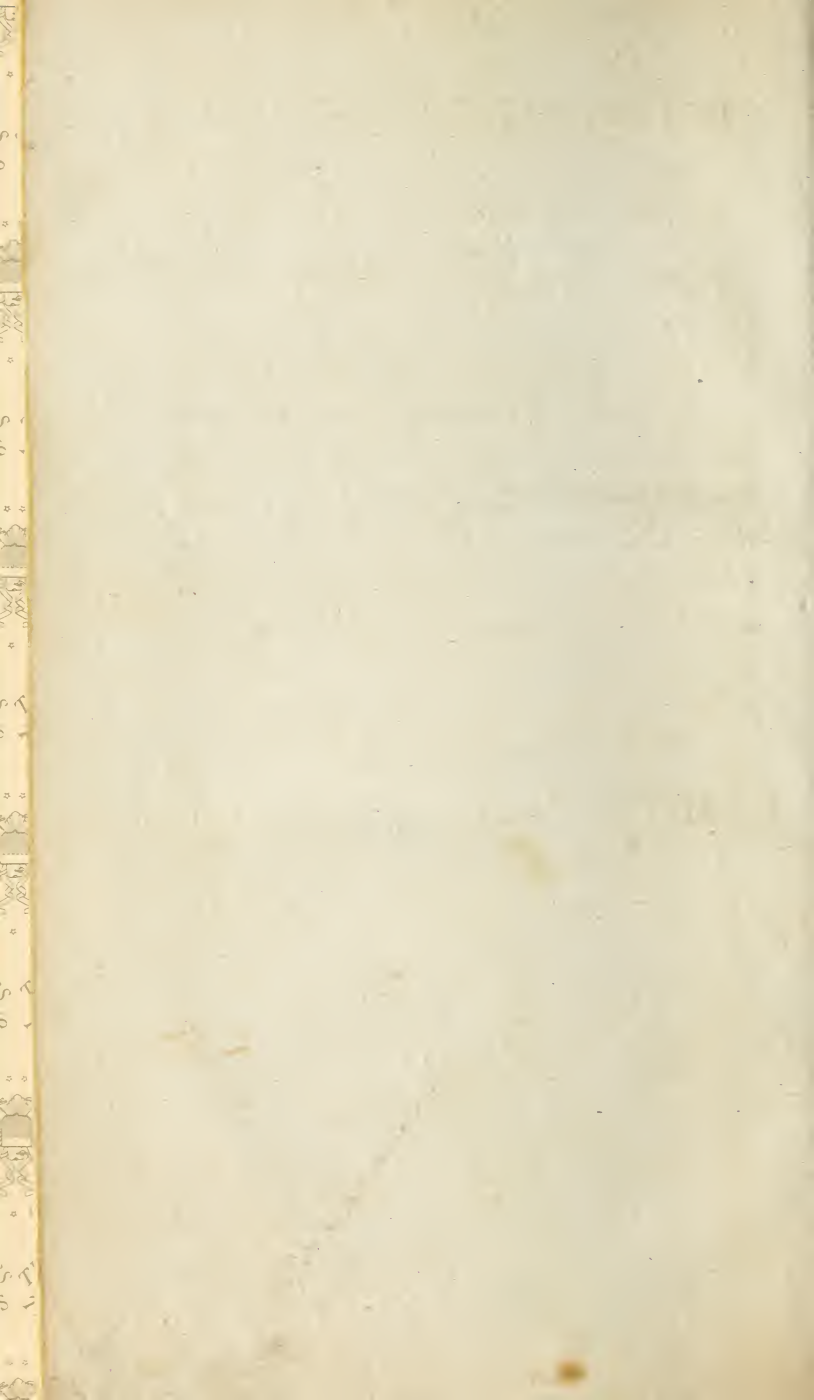
Съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва Марта 2 дня 1822 года. *Ординарной Профессоръ Статскій Совѣтникъ Двигубскій.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Генералъ Лейтенанту, Государственной Адмиралтействъ Коллегiи Генералъ-Казначею, Императорской Россiйской Академiи Члену, и многихъ другихъ Ученыхъ Обществъ Почетному Члену, Орденовъ Св. Анны 1 Ст. Iоанна Iерусалимскаго Комондору и Св. Георгiя 4 Ст. Кавалеру.

ЛОГИНУ ИВАНОВИЧУ

ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Логинъ Ивановичь!

Будучи Воспитанъ подъ Начальствомъ Вашимъ въ Морскомъ Корпусѣ, ***ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО*** *и въ послѣдствіи времяни постоянно поощряли меня въ моихъ занятіяхъ. Первое мое Сочиненіе, долженствовавшее какъ и многіе другіе остаться въ забвеніи, изданіемъ въ свѣтъ обязано единственно Вашему предстательству. Признавая Васъ, Началомъ и Источникомъ, первою причиною побудившею меня къ упражненію въ Отечественной Словесности, а по воспитанію и по многимъ другимъ опытамъ милостиваго ко мнѣ вниманія, имѣя полное право называть васъ моимъ*

благодѣтелемъ; осмѣливаюсь въ знакъ душевной признательности, посвятить сей малый и слабый трудъ мой, высокому Имяни Вашему. Удостойте оный благосклоннаго пріятія, какъ Лепту вдовицы приносимую отъ усердія того, который съ глубочайшимъ почитаніемъ и искреннею преданностію, имѣетъ честь быть.

Милостивый Государь!

Вашего Превосходительства!

Покорнѣйшій слуга

Владиміръ Броневскій.

ѲБОЗРѢНІЕ ЮЖНАГО БЕРЕГА ТАВРИДЫ.

****

Наконецъ я видѣлъ сію Крымскую обѣтованную землю, и видѣлъ въ первый разъ природу прелестную и въ ужасахъ ея. Но для чего говорю я въ прошедшемъ времени? Мнѣ кажется и теперь еще сижу на борзомъ конѣ; и теперь, кажется, балансирую надъ пропастью; съ ужасомъ взираю на огромныя, недоступныя, висящія надъ головою моею скалы, и съ душевнымъ умиленіемъ обращаю изумленный взоръ на разсѣянные у ногъ моихъ въ неизмѣримомъ пространствѣ очаровательные виды. Мнѣ кажется, я видѣлъ грозныя громады Швейцаріи во всемъ ихъ величественномъ безобразіи, и только что воротился

изъ Италіи, только что видѣлъ виноградные и плодовитые сады, гдѣ нѣжнѣйшіе плоды какіе можно имѣть въ счастливѣйшемъ климатѣ услаждали мой вкусъ и обоняніе; видѣлъ сокрушенныя стѣны древнихъ городовъ, забытыхъ Исторіею; видѣлъ, шумные водопады, и наконецъ едва могу вѣрить, едва могу согласиться самъ съ собою, что не выѣзжалъ изъ моего отечества и обозрѣлъ только прекрасную и изобильнѣйшую часть онаго.

Съ нѣкотораго времени, какъ вошло въ моду пользоваться морскими ваннами (отъ коихъ, служа на флотѣ 16 лѣтъ и по большой части въ жаркомъ климатѣ, не вижу ни пользы, ни вреда) Севастополь сдѣлался сборнымъ мѣстомъ, откуда *больные любопытство къ* путешественники отправляются удивля-

ться живописной природѣ южнаго берега. Даже дамы, невзирая, что должны 250 верстъ ѣхать верхомъ и подвергаться необыкновеннымъ для нихъ безпокойствамъ и опасностямъ, предпринимаютъ сей трудный путь — конечно плачутъ, раскаяваются въ продолженіи онаго; но по окончаніи, съ восторгомъ разсказываютъ о чудесахъ, ими видѣнныхъ. Краснорѣчіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, не безъ бѣды и боли возвратившихся, возбудило все мое вниманіе. Будучи худымъ кавалеристомъ, я рѣшился идти пѣшкомъ и ожидалъ способнаго къ тому времени. Пріѣздъ Ѳеодоссійскаго Градоначальника *С. М. Б. . . го*, который отправлялся для осмотра карантинныхъ заставъ, расположенныхъ на южномъ берегу, принудилъ меня перемѣнить намѣреніе. Его Превосходительство благо-

склонно позволилъ мнѣ присоединиться къ его свитѣ, состоявшей изъ шести чиновниковъ, одного переводчика, трехъ слугъ и двухъ козаковъ. 27 Маія, въ самое лучшее время для путешествія южнымъ берегомъ, выѣхали мы изъ Севастополя и переѣхавъ 15 верстъ, прибыли въ Балаклаву, откуда отправленъ былъ впередъ козакъ, съ приказаніемъ приготовлять лошадей во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ намъ должно было останавливаться.

Севастополь.

Севастополь и Херсонесъ, первый, какъ лучшій городъ въ Крыму, послѣдній, по существующимъ еще остаткамъ древняго Херсонеса, въ стѣнахъ коего Побѣдоносный Князь Владиміръ отрѣкся заблужденій Идолопоклонства; заслуживаютъ не большое отступленіе.

По завоеваній Крыма въ 1783 году, на сѣверномъ берегу залива находилась одна деревня *Ахтіаръ* (*), бѣдныя ея обитатели жившіе въ тишинѣ и окруженныя прелестною природою, конечно не ожидали, что бы тамъ гдѣ росъ дремучій лѣсъ, нынѣ изъ развалинъ Херсонеса, возникъ прекраснѣйшій городъ въ нашей Имперіи. Основанію Севастополя полагаютъ слѣдующую причину: Капитанъ фрегата Стрѣлы, загнанный бурею въ одинъ изъ заливовъ составлявшихъ гавани древняго Херсонеса, замѣтилъ, что Ахтіарскій заливъ обширный и лучше закрытый отъ вѣтровъ, гораздо удобнѣе тѣхъ для помѣщенія боль-

---

(*) *По сему иныя, и доселѣ называютъ Севастополь, Ахтіаромъ.*

шаго флота; сдѣлалъ подробное описаніе всего порта, показалъ его выгоды, и тѣмъ подалъ мысль Князю Потемкину-Таврическому перевесть туда изъ Херсона Черноморскій корабельный флотъ. Адмиралъ Ушаковъ построилъ первыя зданія, которыя не стоили великихъ издержекъ: камень и всѣ матеріалы для строеній найдены на мѣстѣ, горы и самая почва земли, особенно у Инкермана, состоятъ изъ мягкаго камня подобнаго Малтійскому, который на воздухѣ скоро твердѣетъ и получаетъ блѣдно-желтый цвѣтъ.

Севастополь, заслуживаетъ Греческое свое названіе, означающее *прекрасный городъ.* Подъѣзжая къ нему съ сѣверной стороны, видъ города найлучшій. По скатамъ холма образующаго полуостровъ,

омываемаго двумя заливами и прилегающаго къ большой Рейдѣ, домы кажутся издали поставленными одинъ на крышѣ другаго. Онѣ большею частію въ одинъ этажъ, бѣлыя съ красными черепичными крышами, простой, правильной Архитектуры, и украшены палисадниками съ плодоносными деревами. Одна главная улица обстроенная двухъ этажными домами обходитъ вокругъ подошвы холма, прочіе, хотя прямы и довольно широки, но идя къ вершинѣ очень круты, и во время дождя трудно ходить по скользкой глинѣ. Видъ моря и кораблей входящихъ и выходящихъ изъ гавани, зрѣлищѣ множества шлюпокъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ по заливу, пальба изъ пушекъ, музыка, барабанный бой, грозный видъ крѣпостей, и шумъ, стукъ и крикъ въ Адмиралтействѣ, придаютъ городу

отличный характеръ. Путешественникъ проѣзжая пустынныя степи, безлюдныя, молчаливыя города, изумляется нечаяннымъ появленіемъ Военнаго порта, оживленнаго дѣятельнымъ многолюдствомъ. Изключая малое число купцовъ и мѣщанъ, въ Севастополѣ матрозъ и солдатъ разныхъ названій считается до двадцати тысячь.

Одинъ Англинскій Адмиралъ будучи вопрошенъ, какой портъ онъ считаетъ наилучшимъ въ свѣтѣ? отвѣчалъ: Іюнь, Іюль, и Картагена. Онъ конечно не зналъ тогда Севастополя, а то безъ сомнѣнія Россійскій портъ предпочелъ бы Испанскому. Севастополь имѣетъ всѣ выгоды необходимыя Военному порту, самое искуство не могло бы доставить ему важнѣйшихъ. Бросимъ взглядъ на мѣ-

стное его положеніе и замѣтимъ его преимущества и недостатки.

Рейду, составляетъ заливъ простирающійся отъ Запада къ Востоку на семь верстъ, ширина его одна и полторы версты, глубина отъ 7 до 10 саженъ, грунтъ илъ самый надѣжный для удержанія якорей. Рейда закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ Западнаго отъ входа; но не смотря что съ сей стороны во время равноденствіи дуютъ крѣпкія вѣтры, никогда не погибло ни одно судно. Начиная отъ входа къ Югу, есть четыре пространныя бухты, называемыя: Артиллерійская, Южная, Корабельная и Киленбалошная (*). Вторая и третія

(*) *Киленбалошная, такъ названа потому, что въ ней килюются кора-*

изъ нихъ, составляютъ природную превосходную военную гавань, защищенную берегами отъ всѣхъ вѣтровъ и расположенную такъ, что корабли могутъ выходить изъ оной на Рейдъ подъ парусами. Въ корабельной бухтѣ, сто пушечныя корабли съ полнымъ грузомъ и вооруженіемъ стоятъ подлѣ самаго берега. Противу каждаго корабля, высѣчены въ горѣ магазейны для храненія его принадлѐжностей, кромѣ Артиллеріи, которая никогда съ кораблей неснимается. Адмиралтейство, устроено на западномъ берегу Южной бухты и отдѣлено отъ города стѣною; посему при вооруженій флота, всѣ матеріалы находятся подъ рукою.

бли; слово килезать значитъ наклонивъ корабль на бокъ, очищать или починивать подводную его часть.

Сверхъ сихъ выгодъ, Севостополь имѣетъ одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ Военному Порту нужныхъ. Всякой день постоянно, изключая сильныхъ бурь, по захожденій солнца до полудня вѣтръ дуетъ отъ востока изъ гавани, а послѣ того переходитъ къ западу и дуетъ въ продоженіе жара до вечера. По сей Физической причинѣ, происходящей отъ положенія горъ, при нечаянномъ появленіи непріятеля, флотъ по утру можетъ выпти въ море, и давъ сраженіе, къ вечеру воротится въ гавань, не опасаясь потерять поврежденныя свои корабли. Доступъ съ моря, защищаетъся множествомъ Крѣпостей и Батарей; на единственный входъ, дѣйствуютъ до 600 пушекъ и мортиръ въ одну точку. Если позади входа шириною не болѣе 400 саженъ, поставить три корабля, то непрі-

ятелю съ сей стороны войти на Рейдъ и атаковать Севастополь не возможно.

Съ береговой стороны, слишкомъ обширная, открытая и растянутая военная позиція, не представляетъ равныхъ удобностей, какъ съ моря; но двадцати тысячной гарнизонъ слишкомъ силенъ для отраженія всякаго нападенія. Туркамъ высадить свои воиска близь Севастополя, или въ какомъ другомъ пунктѣ въ Крыму, не удобно потому, что имъ въ семъ случаѣ нельзя будетъ избѣжать отъ нападенія нашего флота, и слѣдственно потери своего. Другіе непріятели превосходящіе насъ морскою силою, если бы дерзнули на подобное предпріятіе, то Севастополь защищаемый крѣпостями и флотомъ не преодолимъ.

Ко всѣмъ удобностямъ, Севастополю не достаетъ канала, подобнаго Кронштатскому для починки и постройки кораблей; тѣмъ болѣе необходимаго, что въ заливѣ водится множество древоточащихъ червей. Корабли обшиваемыя мѣдными листами въ Херсонѣ, при спускѣ и въ проводкѣ на камеляхъ обдираетъ; при исправленіи сихъ поврежденіи въ Севастополѣ, находятъ, что уже многіе члены корабля должно перемѣнять. Также для способнѣйшаго снабженія кораблей прѣсною водою, нужно провесть оную съ горы къ берегамъ южной и корабельной бухтъ. При построеніи крѣпости, на сѣверной сторонѣ залива, начали рыть колодезь, трудились долго, но воды до сего времяни не нашли. Ошибку сію можно исправить водопроводомъ или для храненія

воды сдѣлать *чистерну* (*), что будетъ стоить дешевлѣ перваго. Севастополь, столь обширный Городъ, сооруженъ въ короткое время, строится и распространяется ежегодно, и кромѣ двухъ казармъ и другихъ незначущихъ зданiи не стоилъ Государству почти никакихъ издержекъ. Несмѣю утверждать рѣшительно, но думаю, что было бы удобнѣе и полезнѣе, построить потребное число Транспортовъ для перевозки лѣсу изъ Херсона, съ южнаго берега Крыма и Абазiй; Линейныя корабли строить въ Севостополѣ, а въ Херсонѣ и Николаевѣ фрегаты и другiе мѣлкiя суда, которыя по Днѣпру и Бугу могутъ проходить безъ Каме-

---

(*) *Колодезь высѣченный въ камнѣ въ которой вода наливается.*

лей, кои какъ извѣстно много вредятъ прочности кораблей.

Рано или поздно, Севостополь долженъ занять первое мѣсто въ числѣ торговыхъ городовъ Имперіи, и быть красою Южнаго края. Находясь посреди Чернаго моря и ближе къ Константинополю, окруженный плодоноснѣйшими областями и на краю владѣній нашихъ лежащій, Севостополь долженъ быть предпочтенъ Одессѣ, и въ преимуществѣ семъ послѣдняя ничего не потеряетъ. Сія Эпоха еще слишкомъ далека, и продолжится до того, пока предубѣжденіе, будто бы военный портъ недолженъ быть вмѣстѣ и торговымъ городомъ, уничтожится. Вѣроятно по сей послѣдней причинѣ, не смотря на выгодное положеніе для торговли и по многолюдству своему наиболѣе нуждающійся въ привозныхъ товарахъ,

Севастополь и въ мирное время почитался съ моря въ блокадномъ состояній; такъ что, не только иностраннымъ; но даже своимъ изъ сосѣднихъ портовъ могущимъ приходить судамъ, строго былъ запрещенъ входъ. Въ бытность же Государя Императора въ 1818 году въ Крыму, многіе неудобства и противурѣчія, происшедшія по докладамъ разныхъ начальствъ, прекращены; и между прочимъ въ Севастополь позволено приходить руским судамъ съ своими и иностранными товарами, которые карантинъ выдержали и пошлины заплатили.

Въ Окрестностяхъ Севастополя не осталось и слѣдовъ бывшаго лѣса. Городу принадлежащая земля по малымъ участкамъ роздана Морскимъ Офицерамъ, гдѣ каждый обязанъ разводить сады и овощни-

ки. Сады *Гна. Бардаки* и что близь Голландіи (*) даютъ хорошія плоды и вино. Одна сохраненная роща, называемая *Ушакова Балка*, (**) въ коей построены бесѣдки и качели составляетъ публичное гулянье.

Инкерманъ.

Отъ древняго *Инкермана*, лежащаго при концѣ Рейды, осталось нѣсколько пещеръ. Онѣ высѣчены во внутренности высокихъ и крутыхъ горъ, ограждающихъ, съ обѣихъ сторонъ прекрасный лугъ, орошенный *чорною* рѣчкою, въ коей вода и во время засухъ прибываетъ и убываетъ неправильно, и независимо отъ морскихъ приливовъ и отливовъ въ Севастополѣ едва при-

---

(*) *Такъ называются сараи, гдѣ хранятся корабельныя лѣса.*

(**) *Въ Южныхъ Провинціяхъ Балками называютъ долины.*

мѣстныхъ. Таковыхъ пещеръ въ Крыму не мало, онѣ служили жилищемъ и защитою отъ набѣговъ непріятелей. Въ Инкерманскихъ пещерахъ огромныя комнаты не поддерживаются столбами, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хранится теперь порохъ и огнестрѣльныя снаряды, другіе служатъ для укрытія скота отъ непогоды. На правой сторонѣ рѣчки, гдѣ селитряной заводъ, сохранилась христіанская церковь высѣченная въ горѣ, на вершинѣ которой видны мѣстами упавщіе стѣны древней крѣпости *Дори.*

Херсонесъ.

Въ двухъ верстахъ отъ города, кучи камней показываютъ мѣсто Херсонеса. Отъ карантинной бухты, въ которой малыя военныя суда приходящія изъ зараженныхъ чумою мѣстъ выдерживаютъ карантинъ, находится семь бухтъ одна

за другою къ западу до мыса Херсонеса. Названія ихъ суть слѣдующія: 1 я Карантинная, 2 я Херсонская, 3 я Стрѣлецкая, 4 я Круглая, 5 я Песошная, 6 я Камышевая, и 7 я Казачья; послѣднія шесть составляли портъ древняго Херсонеса. Всѣ сіи заливы открыты сѣвернымъ вѣтрамъ, зимою и лѣтомъ болѣе другихъ дующимъ; посему стоять въ нихъ не безопасно. Что Турки и Татара не умѣли воспользоваться выгоднымъ положеніемъ Севастополя, то могло случится по ихъ невежеству; но какъ промышленнымъ Генуезцамъ пришло въ голову предпочесть Стрѣлецкую и прочія бухты, Ахтіарскому заливу, ето удивительно.

О руинахъ *Херсона* или *Херсонеса*, изъ остатковъ коего выстроенъ Севастополь, можно сказать, что древность сего знамѣнитаго города много потеряла изъ

своего достоинства съ тѣхъ поръ, какъ начали примѣтнымъ образомъ изчезать наружные знаки его существованія. Нѣсколько *Скалъ* или лѣстницъ въ камнѣ высѣченныхъ для схода къ пристанямъ, одна полуразвалившаяся башня, обрушившійся Водопроводъ, и начертаніе нѣкоторыхъ улицъ съ обоихъ сторонъ явственно назначенныхъ каменными основаніями, коихъ не могли разобрать по причинѣ огромности камней, вотъ что сохранилось отъ обширнаго города. Въ прочемъ достопамятные развалины онаго имѣющія тѣсную связь съ просвѣщеніемъ Россійскаго народа свѣтомъ Христіанства, описаны довольно подробно многими путешественниками Цѣль моего путешествія, есть взглядъ на живую природу, съ коей желалъ бы снять и представить читателю нѣсколько вѣрныхъ рисунковъ. Между кучъ каменьевъ досего времяни находятъ, Греческія,

Римскія, Босфорскія и Херсонскія монеты.

На Херсонскомъ мысу, для показанія кораблямъ пути въ Севостополь и для опредѣленія мѣста на картѣ выходящимъ оттуда, построенъ великолѣпный и прочный маякъ вышиною въ 42 сажени.

Георгіевской Монастырь.

Георгіевскимъ Монастыремъ, находящимся отъ Севостополя въ 10 верстахъ, начинается Южный берегъ крыма. Подъѣзжая къ Монастырю показываютъ не большой холмъ, покрытый грудою камней, которые ближайшіе жители разбираютъ на строеніе. Сіе-то мѣсто почитается Палласомъ и другими учеными за основаніе бывшаго Діанина Храма, гдѣ прекрасная жрица Ифигенія, дочь Агамемнона, со-

жигала на Жертвенникѣ Богини фиміамъ, и вѣрною рукою поражала быстрыхъ сернъ и свирепыхъ вепрей. Здѣсь должна быть ея гробница, но время истребило и малѣйшія ея примѣты.

Не можно выбрать болѣе уединеннаго мѣста положенія, на коемъ построенъ Георгіевскій Монастырь. Пріѣхавши на самой край крутаго берега омываемаго моремъ и спустившись немного внизъ, представляются удивленному взору нѣсколько бѣдныхъ строеній и небольшая церковь прилѣпленныя къ горѣ. Монахи изъ келій своихъ могутъ видѣть только небо и морѣ. Не широкая Терасса высѣченная въ скаллѣ предъ Монастырскими зданіями служитъ для проходу въ церковь; на ней углубляться въ размышленія не безопасно, ибо гора падаетъ тутъ по

отвѣсу, а для схода внизъ къ морю сдѣлана лѣстница.

Древняя церковь посвященная Св. Георгію находящаяся во впадинѣ горы, существуетъ около 1000 лѣтъ, и есть первый Христіанскій Храмъ построенный Греками въ Крыму. 23го Апрѣля стекается сюда множество поклонниковъ изъ дальнихъ мѣстъ; близость Севастополя и приношенія молельщиковъ обезпечиваетъ содержаніе монаховъ. Митрополитъ Хрисанфъ выѣхавшій изъ Греціи и получающій пансіонъ, своимъ попеченіемъ собралъ достаточную сумму, и оканчиваетъ теперь новую прекрасной Архитектуры церковь. Въ старой церкви, нѣтъ богатыхъ украшеній, образа вообще весьма грубой Греческой живописи. Въ семъ печальномъ уединеніи, пока-

зываютъ одно дерево на которомъ явился Чудотворный образъ Св. Георгія.

Балаклава.

При въѣздѣ въ Балаклаву, встрѣтивъ нѣсколько хорошенькихъ женщинъ и мужчинъ воинственнаго вида, съ длинными густыми усами; при взглядѣ на высокіе горы, ее окружающія и на бѣдные строенія новаго расположенія, мнѣ показалось, будто я изъ прекраснаго города, каковъ Севастополь, перенесенъ на коврѣ самолетѣ въ Грецію на одинъ изъ Архипелажскихъ острововъ. Переѣздъ въ Балаклаву изъ большаго благоустроеннаго города, гдѣ видишь уютные, покойные домы, вездѣ порядокъ и опрятность — гдѣ находится Адмиралтейство, флотъ и многочисленный

гарнизонъ, представитъ малый городокъ съ невыгодной стороны; но не дѣлая сего сравненія, и Балаклава имѣетъ свое хорошее. Мѣстоположеніе ея должно каждаго пріятно удивить. Представь себѣ двѣ крутыя, дикія скалы, коихъ вершины увѣнчаны облаками; представь себѣ узкій, морскій рукавъ, тремя изворотами омывающій подошвы оныхъ, или лучше вообрази глубокій оврагъ, наполненный водою. Одна неширокая улица нестройныхъ каменныхъ домовъ, составляетъ городъ, расположенный на лѣвой сторонѣ залива подъ навѣсомъ горы такъ, что нѣкоторые дома прилѣплены къ оной и имѣютъ только три стѣны.

По покореніи Крыма, гдѣ нынѣ Балаклава, было пустое мѣсто. Князь Потемкинъ - Таврическій на-

селилъ оную выходцами изъ Эпира. Каждому сѣмейству данъ довольно достаточный участокъ земли, произведеніями коей и плодами садовъ сіи поселяне живутъ безбѣдно. Заливъ изобилуетъ рыбою и устерсами; иногда же заходитъ въ оный много анчоусовъ. Албанцы, какъ искусные рыболовы, получаютъ отъ сего промысла значительный прибытокъ, и какъ рыбу, такъ и другіе свои избытки, во всякое время могутъ продовать въ Севасополѣ. Нѣкоторые зажиточные дома перекупаютъ соленую рыбу, сырыя кожи, пшеницу и перевозятъ оныя на своихъ лодкахъ въ Козловъ, Одессу, или продаютъ на приходящіе къ нимъ лодки. Нынѣшняя торговля Балаклавы незначительна. Портъ открытъ только для отпускныхъ товаровъ.

Албанцы Балаклавскіе составляютъ баталіонъ, подчиненный флотскому въ Севастополѣ начальнику. Оный употребляется для стражи на карантинныхъ въ Крыму заставахъ вмѣстѣ съ Козаками; въ случаѣ надобности сажаютъ Албанцевъ и на военные корабли. Баталіонный Командиръ и Офицеры избираются изъ среды ихъ. Отправляющіе дѣйствительную службу получаютъ жалованье и провіантъ. Оружіе и мундиръ каждый обязанъ имѣть собственные; они, по Греческому обыкновенію, вооружаются длиннымъ Турецкимъ ружьемъ, саблею, ятаганомъ, иногда кинжаломъ и двумя пистолетами. Будучи привычны къ горамъ, къ мѣткому и скорому стрѣлянію изъ ружья, они содержатъ Татаръ въ должномъ повиновеніи. Въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ Великой, въ послѣднюю

войну съ Турками, противу возмутившихся Татаръ въ Крыму, при взятіи Анапы флотомъ въ 1807 году, при покореніи Сухумъ-Кале, при высадкѣ войскъ подъ Платаномъ, что близь Трапезонта, и во всѣхъ другихъ сраженіяхъ, гдѣ употреблялись Албанцы; отличили они себя храбростію и усердіемъ къ усыновившему ихъ новому отечеству.

На мѣстѣ Балаклавы стоялъ славный въ древности *Символонъ.* Остатки крѣпости еще и теперь видны на вершинѣ скалы, на правой рукѣ, при входѣ въ заливъ. Мы ходили, или лучше, лазили осматривать оные. Насъ повели узкою тропинкою, пробитою по боку горы и висящею надъ заливомъ. Мы не могли идти иначе, какъ согнувшись и опираясь на завостренный

колъ; и за всемъ тѣмъ на каждомъ шагу боялись скатиться въ море съ высоты 100 и болѣе саженъ. Со стороны Балаклавы крѣпостная стѣна вся цѣла; но къ ней подойти тутъ не возможно. Крѣпость была четвероугольная; отъ залива стѣна давно обрушилась, съ другихъ двухъ сторонъ очень примѣтны остатки. Двѣ башни совершенно уцѣлѣли; одна изъ нихъ, стоящая на обрывистомъ мысу при входѣ въ заливъ, служитъ теперь вмѣсто маяка. Я всходилъ на оный: свистъ вѣтра, море покрытое бѣлыми волнами и горы, которыхъ прежде не было видно, составляли вмѣстѣ картину дикой величественной природы. Сидя на сей скалѣ и взирая на бурное море, хорошо бы читать Оссіана и внимать унылымъ пѣснямъ древнихъ Бардовъ. Крѣпость съ двухъ сторонъ окружена моремъ,

а съ прочихъ гора такъ крута, что ни взойти пѣшкомъ, ниже вьючнаго осла взвести не возможно. Другая башня, стоящая на самой вершинѣ горы и на краю уцѣлѣвшей стѣны, въ srединѣ вышпукатурена цементомъ, смѣшаннымъ съ пуццоланою, употребляемыми для скрѣпленія морскихъ гаваней. Мнѣ кажется, башня сія служила для храненія дождевой и привозной воды.

Въ Средиземномъ морѣ я видѣлъ много Генуезскихъ крѣпостей; но прочности Символонской удивлялся тѣмъ болѣе, что она построена на неприступной, крутой скалѣ. Всѣ древніе укрѣпленія въ Крыму, пощаженные временемъ, какъ то: Мангупъ-Кале, Джуфутъ-Кале и другіе, построены на вершинахъ горъ, конечно потому, что когда еще огнестрѣльные орудія

не были, изобрѣтены то сіи обнесенныя стѣною горы могли служить безопаснымъ убѣжищемъ отъ частыхъ набѣговъ народа, жившаго грабежемъ.

Внутри крѣпости видны еще ямы, означающія мѣста строеній. Между кучь каменьевъ находили мы яркаго пунцоваго цвѣта черепки глиняныхъ сосудовъ и множество окаменѣвшихъ морскихъ раковинъ. Г. Сумароковъ, въ своихъ *Судейскихъ Досугахъ*, объясняетъ сіе явленіе. Онъ говоритъ, что большая часть Крымскихъ прибрежныхъ горъ состоитъ изъ косвенныхъ слоевъ окаменѣвшихъ раковинъ и полагаетъ, что таковыя же занесены на горы при всемірномъ потопѣ и бывшими въ послѣдствіи неизвѣстными намъ великими наводненіями.

Г. *Р....*, КомандирЪ Албанскаго баталіона, принялЪ и угостилЪ насЪ вЪ своемЪ домѣ. Мы у него ночевали, и вЪ 9 часовЪ утра поблагодаривЪ за его гостепріимство, сѣли на лошадей, выѣхали изЪ Балаклавы и поворотили направо вЪ горы. ШагЪ за шагомЪ, одинЪ за другимЪ, восходя постепенно, непримѣтно, сЪ горы на гору, сЪ крутизны на крутизну, чемЪ далѣе ѣхали, темЪ горы становились выше и выше. Сія дорога, на разстояніи 25 верстЪ, была сдѣлана для проѣзда ЕКАТЕРИНЫ Великой вЪ Байдары; но теперь она испортилась и вЪ большомЪ экипажѣ проѣхать уже трудно. Горы, отЪ вершинЪ до подошвы, поросли большими лѣсами; мы видѣли спѣющія черешни, и отЪ большаго жара часто утоляли жажду

въ чистыхъ, холодныхъ, какъ ледъ, ключахъ.

Байдары.

Невидавши Темпейской долины, я искренне вѣрю, что Байдарская очень на нее похожа; и если бы ты, любезный другъ, былъ на моемъ мѣстѣ, то конечно не упрекнулъ бы того, кто Крымскую долину назвалъ славнымъ Греческимъ имянемъ. Я разскажу тебѣ что видѣлъ, чемъ прельщался, и тогда, быть можетъ, и ты согласишься, что Байдары по справедливости названы Темпейскою долиною.

Взошедъ на горы, открывается обширное ровное пространство, раздѣленное рощами, садами и лугами; вездѣ пашни, бакчи (*) и

(*) *Бакчами называютъ здѣсь ого-*

тѣнистые лѣса дубовыхъ, кизиловыхъ; и орѣховыхъ (грецкихъ) деревьевъ; вездѣ журчатъ источники и ключи; вездѣ природа прелестна и повсюду представляются изобиліе, богатство и приятная разнообразность ландшафтовъ.

Проѣхавъ одну деревню, населенную Русскими крестьянами, увидѣли другую въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, съ мечетью, осѣненною высокими тополями. Мы остановились у начальника селенія, и пока добродушный Татаринъ суетился чемъ насъ угостить, мы расположились въ домѣ его и легли на низкихъ диванахъ. Вся долина, кромѣ немногихъ Татарскихъ дере-

---

роды, гдѣ сѣютъ однѣ только дыни и арбузы.

вень, которыя платятъ десятую часть со всѣхъ своихъ произведенiй, состоитъ въ единственномъ владѣнiи Адмирала Николая Семеновича Мордвинова. Хотя я не замѣтилъ тутъ виноградныхъ садовъ; но хлѣбъ, сѣно, овощи и плоды съ избыткомъ вознаграждаютъ труды землѣдѣльцовъ. Байдары стоютъ не одного миллiона.

Татары живутъ довольно опрятно: Дома ихъ снаружи мало обѣщаютъ, они очень низки, худо сложены изъ неровныхъ каменьевъ, съ плоскою крышею, и кажутся всякую минуту падающими; но вошедъ въ домъ, найдешь большую чистую комнату. Къ одной стѣнѣ придѣлана труба; на полу подъ трубою разводится огонь, и сей простой каминъ служитъ какъ для тепла, такъ и для свѣта. Окна

безъ рамъ и стеколъ, просто загорожены деревянными брусочками. Ковры, разостланные противъ камина подлѣ стѣнъ, составляютъ диванъ и всю мебель.

Мулла (священникъ) принесъ намъ въ подарокъ форелей, которыя водятся здѣсь въ рѣчкахъ, текущихъ по каменному дну. Съ трубкою въ одной рукѣ, съ тарелкою форелей въ другой, я пошелъ въ кухню, что бы попросить хозяина поскорѣе ихъ приготовить; но вмѣсто кухни попалъ—право не нарочно—въ гаремъ. Нѣсколько женщинъ молодыхъ, пригожихъ, въ пестрыхъ платьяхъ, при входѣ моемъ, всѣ вдругъ вскрикнули, оставили рукодѣлья, бросились на полъ, стараясь закрыть лице и обнаженныя руки и грудь. Я сдѣлалъ шагъ назадъ—шумъ умолкъ—остановился,

и женщины, быть можетъ, доволь-ныя приятнымъ моимъ изумленіемъ, успокоились, начали одна за другою подымать головы, взглядывали украткою на меня, улыбались. Я сдѣлалъ шагъ впередъ—шуму нѣтъ—поставилъ тарелку форелей въ каминъ и знаками просилъ изжарить ихъ. Одна, засмѣялась, другая встала, прикрылась шалью, подошла ко мнѣ; всѣ начали что-то лепетать и вдругъ окружили меня. Одна изъ нихъ начала разсматривать мой орденъ; другая, съ приятною усмѣшкою, глядѣлась въ свѣтлую пуговицу; третья, замѣтя часовую цѣпочку, желала видѣть часы, приложила ихъ къ уху, показала своей подругѣ и мнѣ возвратила. Тутъ и я сдѣлался посмѣлѣе: похвалилъ у одной шелковый поясъ съ большими серебреными пряжками; у другой съ удоволь-

ствіемъ разсматривалъ кольца и браслеты; у третьей разглядывалъ ея мешти (*) и стройность ножки. Съ откровенною невинностію, упреждая одна другую, старались онѣ удовлетворить мое любопытство, но вдругъ отворяются двери, всѣ вскрикиваютъ, падаютъ попрежнему ницъ, и я вижу предъ собою старуху съ распущенными волосами испачканную красною краскою. Не заставя ее много кричать, я выскочилъ вонъ, позабылъ и форелей, которыхъ по сей причинѣ ни я, ни товарищи мои не отвѣдали. Генералъ, услышавъ о случившемся со мною, замѣтилъ, что это очень неосторожно; я и самъ чувствовалъ, что поступилъ неблагоразумно: но лишъ

(*) *Башмаки.*

сѣлъ на лошадь и выѣхалъ изъ деревни, готовъ былъ воротиться въ гаремъ... Ты, любезный мой другъ, хмуришъ брови, потупляешъ взоръ; но спрашиваю тебя: кто бы на моемъ мѣстѣ поступилъ иначе?

Что бы не запоздать на другой дорогѣ, несмотря на полдневный жаръ, мы ѣхали очень скоро. Не умѣя ѣздить верхомъ, я едва могъ держаться; и хотя очень боялся, однако же не упалъ. Чрезъ часъ ѣзды кончилась прелестная Байдарская долина, видъ перемѣнился и намъ должно было взбираться на прекрутую гору. Дорога тутъ шла по стремнинамъ и водопромоинамъ, наполненныхъ пескомъ, наносною землею и каменьями. Мы проѣзжали буковымъ лѣсомъ; непроницаемая тѣнь сихъ деревъ и тихій вѣтерокъ укрывалъ и прох-

лаждалъ насъ отъ солнечнаго зноя. Лошади шли скорымъ шагомъ; я нѣсколько успокоился, отдохнулъ. Лѣсъ кончился, и мы очутились на небольшой площадкѣ, составляющей вершину горы Аіи. Тутъ остановились, сошли съ лошадей, взглянули внизъ, и южный берегъ, во всемъ своемъ притяженіи, лежалъ прямо подъ ногами нашими.

Мы были на верхней ступени горъ; только Чатыр-дагъ стоялъ нѣсколько выше—глава его покрыта была тонкими облаками. Я сѣлъ на мшистомъ камнѣ, висящемъ надъ пропастью. Какія дикія и вмѣстѣ плѣнительныя красоты Природы! Хребетъ горъ, обрывистою стѣною идущій отъ запада къ востоку, ограждаетъ южный берегъ отъ сѣвера. Здѣсь, близко меня, изъ глубокой рытвины выставля-

ются вершины деревъ; за ними вижу громады камней; ниже, кои гдѣ зелень и дымящіяся хижины; еще ниже черное море, совершенное спокойствіе коего, уподобляетъ необозримое пронстранство водъ, обширной снѣжной ровнинѣ. На немъ плывущія корабли за отдаленностію едва кажутся темными точками. Я дышу свободнѣе, горжусь смѣлостію и восхищаюсь разнообразіемъ предмѣтовъ. Мы всѣ молчали; мрачное безмолвіе изрѣдка прерывалось сильными порывами вѣтра, который преклонивъ вершины деревъ, снова умолкалъ и снова завывалъ съ громкимъ трескомъ. Отъ сего-то мѣста, съ вершины мыса Аіи, который отвѣсно возвышается изъ глубины морской, дуютъ жестокія сѣверныя бури; а при другихъ вѣтрахъ у Аіи бываетъ всегда ти-

шина, конечно потому, что высота мыса и положеніе другихъ горъ, отражая, уничтожаютъ сіи вѣтры. По сей причинѣ мореходцы опасаются приближиться къ сему мѣсту и стараются обходить оное, держась мористѣе. Сильныя порывы вѣтра, по захожденіи солнца иногда съ моря дующія, происходятъ отъ сѣрныхъ паровъ и другихъ горючихъ веществъ въ бѣзднѣ морской сокрытыхъ.

Скала.

Отдохнувъ съ четверть часа, сѣли мы на лошадей, и какъ же я удивился, когда проводникъ началъ спускаться въ пропасть. Взглянувши внизъ, сердце у меня замерло. Узкая, излучистая тропинка, заваленная каменьями, шла крутыми изворотами по обрыву горы. Вездѣ

представлялись глубокіе овраги. Я хотѣлъ идти пѣшкомъ; но меня увѣрили, что безопаснѣе ввѣрить себя лошади, къ симъ дорогамъ привыкшей — и такъ я сѣлъ. Повѣришь ли, любезный другъ, съ какою осторожностію умные сіи животные переносятъ сѣдока чрезъ пропасти и спускаются съ крутыхъ горъ. Онѣ часто бываютъ принуждены садиться на заднія ноги, иногда подымаются на дыбы, иногда на краю бездны, уклонившись, перевѣшиваются всемъ тѣломъ, тихо переступаютъ справа налѣво, и всегда вѣрнымъ, твердымъ шагомъ идутъ не останавливаясь, и идутъ очень скоро. Скала сія, или лѣстница, хотя очень крута и не безопасна; но есть единственное сообщеніе Южнаго берега съ Байдарами.

По мѣрѣ того, какъ мы спу-

скались внизъ, тропинка становилась круче, опаснѣе, иногда совсемъ исчезала, и мнѣ тогда казалось, что приступаю къ предѣламъ самаго Ада. Мой конь несмотря, что я его удерживалъ, шелъ скоро и отрывисто. Что бы не упасть, принужденъ я былъ бросить узду и держаться обѣими руками за сѣдло. Отъ сего движенія я чрезмѣрно усталъ, ноги совсемъ оцѣпенѣли; къ счастію Генералу вздумалось въ половинѣ горы остановиться, что бы полюбоваться мѣстоположеніемъ. Я насилу сошелъ съ лошади и разтянулся на камнѣ. Отвсюду громады камней, глубокія стремнины и печальное разрушеніе насъ окружали. Голая скала горы Аіи висѣла надъ нами на прилѣпѣ; я не могъ смотрѣть на сей ужасъ и невольно отвратилъ взоръ; нигдѣ не видно и слѣдовъ жизни; нѣтъ ни

деревъ, ни травъ, вездѣ грозная пустота и дикое безобразіе. Съ обѣихъ сторонъ тропинки видны черные обгорѣлые каменья, большіе куски гранита и пни деревъ, оторванныхъ и упавшихъ съ горъ. Солнце заходило, и только тихіе плески волнъ нарушали мрачное безмолвіе; природа казалось засыпала, и на мѣстѣ, гдѣ мы отдыхали, представлялась въ уродливомъ, безобразномъ видѣ.

Михалатка.

Спустившись съ горъ и проѣхавъ отъ Байдаръ 20 верстъ, вечернею зарею мы остановились ночевать въ Михалаткѣ. Небольшая эта деревушка разбросана по отлогости такъ, что хижины ея кой гдѣ примѣтны; иныя прислонены къ горѣ, другія закрыты деревьями

и виноградными лозами. Татара не любопытны: когда мы въѣзжали, никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста; они сложа накрестъ ноги, молча бесѣдовали, и смотря на насъ, равнодушно курили трубки на своихъ терассахъ. Окрестности Михалатки печальны: вокругъ видны однѣ безплодныя горы, кой гдѣ поросшія лѣсомъ; но самая деревня, окруженная садами, представляетъ прекрасный обитаемый островъ, брошенный посреди угрюмаго Океана, на коемъ кромѣ неба и воды, бурь и бѣдствій, мореплаватель ничего не встрѣчаетъ. Отъ усталости не могъ я ничего съѣсть за ужиномъ, голова у меня кружилась, кровь сильно волновалась; однако же покойный сонъ возвратилъ потерянныя силы, и наутро вставши, я чувствовалъ себя немного бодрѣе.

Кучукъ-кой.

Съ восходомъ солнца мы уже были на лошадяхъ; намъ предстояла дорога еще опаснѣйшая вчерашней. Въ четырехъ верстахъ отъ деревни Кучукъ-кой (малая деревня) намъ показали то мѣсто, на которомъ прежняя усадьба сего селенія въ 1786 году провалилась. На пространствѣ, гдѣ были строенія и сады, представляются теперь однѣ пропасти, рвы, насыпныя горы и ужасное повсюду превращеніе. На мѣстѣ прежней деревни не видно и примѣтъ строеніи.

Дорога тутъ крайнѣ опасна; почва земли состоитъ изъ глинястыхъ сланцовыхъ породъ и гнилаго трапа, на коихъ, ни единой былинки не произрастаетъ. Отъ жаровъ земля разсѣдается и осыпается; а отъ

дождей большія глыбы ея быстрымъ потокомъ водъ уносятся въ пропасти и далѣе въ море. По сей причинѣ гора постепенно съ боковъ умаляясь, становится круче; пропасти же по мѣрѣ того углубляются, а дорога ежегодно приближается ближе къ вершинѣ горы. Нынѣшняя тропинка такъ узка, что лошадь съ трудомъ на ней вмѣщается; притомъ такъ иоката къ пропасти, что всадникъ долженъ висѣть надъ оною.

Приближившись къ сей стезѣ, которая простирается на одну версту и почитается самымъ опаснымъ мѣстомъ на южномъ берегу, мы остановились. Проводникъ, перетянувъ у лошадей подпруги, и осмотрѣвъ исправны ли сѣдла, поѣхалъ впередъ, а мы одинъ за другимъ слѣдовали за нимъ. Едва възѣ-

халъ я на гору, и лошадь ступила по дорогѣ нѣсколько шаговъ, въ глазахъ у меня потемнѣло, я могъ считать біеніе пульса; тутъ хотѣлъ бы воротиться; но ни сойти съ лошади, что бы идти пѣшкомъ, ни повернуть ее назадъ не было мѣста и возможности. Ахъ! любезный другъ, какъ жестоко я наказанъ за мое любопытство; не умѣя ѣздить верхомъ, удивляюсь, какъ отважился пуститься въ такой путь. Мы пробирались по краю осыпи, глубиною не менѣе 200 саженъ; лошадь лѣпясь около обруба горы, цѣпляя нога за ногу, сгибая колѣна, иногда наклоняясь въ противную сторону и вытягивая шею, шла такъ отрывисто, что я не понимаю какъ не потерялъ равновѣсія и какъ Богъ спасъ меня. Голосъ проводника, который громкимъ крикомъ и тихимъ свистомъ, понуж-

далъ лошадей идти скорѣе, или извѣщалъ ихъ, что бы онѣ были осторожнѣе, приводилъ меня въ такой страхъ, что я невольно закрывалъ глаза; и одинъ разъ коснувшись плечомъ къ скалѣ, чуть не свалился въ пропасть, но лошадь мгновенно покачнулась, удержала равновѣсіе и спасла меня отъ очевидной смерти. Если бы дождикъ засталъ насъ на семъ мѣстѣ; то погибель наша была бы неизбѣжна. Не постигаю, какъ нѣкоторыя дамы отваживаются здѣсь ѣздить.

Проѣхавъ Кучукъ-койскую дорогу, проводникъ извѣстилъ о новой опасности. Тропинка вывела насъ на превысокую глыбу земли, подобную столбу, поставленному посреди глубокой ямы, и только одною стороною касающемуся къ горѣ; но и тутъ отдѣляется отъ

нея трещиною, аршина въ два шириною. Мы должны были чрезъ нее прыгать. Повиснувъ на шеѣ своей лошади, крѣпко обхвативъ ее руками и ногами, я насилу могъ удержаться, и конечно бы упалъ, если бы въ сіе время передовые не остановились. Тѣло мое совсемъ онѣмѣло; но я не смѣлъ сойти съ лошади, не смѣлъ даже пошевелиться; во рту у меня было горько и я чувствовалъ жаръ, какъ больной въ горячкѣ. Минутъ пять отдыха нѣсколько меня освѣжило; къ тому же меня увѣрили, что нѣтъ болѣе опасности: но я видѣлъ оную предъ глазами; мы стояли на вершинѣ столба, съ котораго при сильномъ вѣтрѣ часто срываетъ проѣзжающихъ. Куда ни обращалъ я глаза, вездѣ видѣлъ глубокія трещины, наполненныя водою, огромные камни, и насыпи.

Отсюда поворотили мы круто на лѣво и поѣхали внизъ наискось горы. Почти безпрестанно осыпалась подъ ногами нашими земля и съ глухимъ шумомъ падала въ пропасть, унося въ паденіи своемъ глыбы песка. Спустившись съ горы, не съ меньшимъ затрудненіемъ перебрались мы чрезъ разсѣлины. Лошади Татарскія къ сему столь привычны, что нѣсколькими скачками, подобно сернамъ, взбѣгаютъ на такія крутизны, на кои и ползкомъ едва ли можно вскарабкаться.

Поднявшись на гору, вдали показались кущи деревъ, зелень и хижины. Туда и взоръ и мысли мои стремились. Когда дыханіе мое стало легче, когда дорога была уже довольно широка, довольно удалена отъ стремнинъ, я по невольному движенію взглянулъ назадъ, отъ

радости улыбнулся, успокоился, забылъ объ опасностяхъ, и едва чувствовалъ уже малую усталость. Припомни, любезный другъ, описаніе Рая и Ада: я видѣлъ оные въ природѣ и такъ близко одинъ отъ другаго, что мнѣ казалось, будто бы Богъ, поставилъ ихъ въ семъ положеніи съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы человѣкъ созерцая оныя, избралъ путь къ первому и удалялся послѣдняго; дабы грѣшникъ въ одно время могъ видѣть и могущество и величіе, и гнѣвъ и милосердіе своего Творца.

Поднявшись еще выше въ горы, миновали мы деревню *Кикенеисъ*. Съ сего мѣста природа является въ новомъ пріятнѣйшемъ видѣ: и горы и долины разкрываютъ прелестные мѣста. Въ Кикенеисѣ достойно замѣчанія орѣховое дерево, одно изъ

величайшихъ въ Крыму. Два толстые его корня, вышедъ изъ земли, срастаются и составляютъ сводъ, аршина въ три вышиною. На семъ основанiи растетъ огромнѣйшее по своей толщинѣ и высотѣ дерево. Оно раздѣляется на три отрасли, изъ коихъ каждая можетъ почесться довольно толстымъ деревомъ. Въ хорошiй урожайный годъ, снимаются съ него отъ 80 до 120 тысячь Грецкихъ орѣховъ: если положить тысячу по 6 р., то одно сiе дерево даетъ ежегодно дохода отъ 480 до 720 рублей.

Алупка.

Проѣхавъ 30 верстъ, которые показались мнѣ очень длинны, наконецъ достигли мы Алупки, прекрасной деревни, окруженной пре-

краснѣйшимъ садомъ. *Он-басса* (десятской) встрѣтилъ и проводилъ насъ въ домъ Татарина, у котораго всѣ проѣзжающіе останавливаются. Отъ непривычки къ верховой столь скорой ѣзды, трудной дороги, палящаго зноя, а болѣе отъ безпрестаннаго колебанія надъ пропастями, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ; насилу слѣзъ съ лошади, и едва могъ держаться на ногахъ. Быть можетъ, дорого заплачу я любезный другъ, за любопытство; но сомнѣваюсь, что бы когда нибудь освободился отъ онаго.

Умывшись и освѣживъ себя ключевою водою, съ шумомъ и журчаніемъ разверзающею нѣдра земныя въ самыхъ сѣняхъ дома, я бросился на жесткой диванъ, чрезмѣрно радуясь, что Татара не употребля-

ютъ стульевъ: ибо для меня гораздо было выгоднѣе лежать, нежели сидѣть. Лишь только преклонился на подушку, глаза мои сомкнулись, и я спалъ часа два какъ мертвой. Покойной, сладкой сонъ возвратилъ мнѣ прежнюю силу и легкость. Не тонкій ли воздухъ сихъ горъ причиною столь скораго моего изцѣленія?

Запахъ жаренаго козленка, возбудилъ мой аппетитъ. Провожавшіе насъ Албанцы приготовили его посвоему — то есть, цѣлымъ (*), начинивъ внутренность сарачинскимъ пшеномъ. Я ѣлъ за троихъ, къ дессерту подали рѣд-

---

(*) *Обычай подавать на столъ цѣлыхъ животныхъ былъ въ употребленіи у Патріарховъ.*

кой величины сладкія черешни; другіе плоды еще не совсемъ созрѣли, а Татара считаютъ великимъ грѣхомъ снимать съ дерева не совершенно поспѣвшій плодъ. Послѣ обѣда, Генералъ предложилъ идти прогуляться и полюбоваться мѣстоположеніемъ.

Деревня, состоящая изъ 40 дворовъ съ мечетью, построена по крутизнамъ внизъ къ морю амфитеатромъ. Кремнистая скала возвышается надъ нею съ сѣверной стороны. Между большими каменьями, скатившимися съ горъ, скрываются бѣдные домики, покрытые по Азіатскому обычаю, плоскими крышами. Сходя внизъ къ морю, омывающему высокое прибрежіе, я чрезмѣрно былъ удивленъ, нашедъ между плодоносными деревьями, произрастающими

въ Крыму, необыкновенной толщины фиговые, Масличные, Гранатные, Персиковые, и Стручковое дерево. Домъ, въ которомъ мы остановились, осѣняютъ три Кипариса, посаженные, какъ мнѣ сказывали, по приказанію Князя Потемкина. За деревнею выше въ гору, растетъ лавровый лѣсъ. При видѣ прекрасныхъ розовыхъ кустовъ, лаванды, жасмина и лилеи, воображеніе перенесло меня въ Италію; но и тамъ не вездѣ можно найти такіе вкусные плоды и душистые цвѣты.

Меланхолическое, пріятное и вмѣстѣ дикое мѣстоположеніе Алупки, укрытой между чрезвычайной величины каменьями (*) и осѣнен-

(*) *Большею частію змѣевикъ, зеленоватый съ кралинами камень, принимающій весьма хорошій лоскъ.*

ной сплошною густотою садовъ, наиболѣе украшается изобиліемъ текущихъ водъ. По переулкамъ между хижинъ, въ рытвинахъ, по различнымъ направленіямъ переходили мы множество ключей и ручейковъ, скачущихъ по каменьямъ и напояющихъ сады, небольшія поляны льну и огороды съ рѣдкими овощами. Нѣкоторые ручьи, встрѣтивъ препятствіе, преграждающее теченіе ихъ, обращаются назадъ въ гору, и соединившись съ другими, усиливаются, преодолѣваютъ препоны, вьются, журчатъ около домовъ, переливаются съ утеса на утесъ, пѣнятся; и наконецъ, шумными водопадами, съ трескомъ и громомъ, млечною рѣкою низвергаются въ море.

Не умѣю, любезный другъ, изобразить тебѣ всѣхъ прелестей

Алупки, по справедливому предпочтенію названной *украшеніемъ Крыма.* Желательно, что бы вельможа, богачь со вкусомъ, купилъ сіи сады и здѣшнюю красоту — Природу, украсилъ и разкрылъ искуствомъ. Что бы можно сдѣлать съ такимъ мѣстомъ, которое и въ дикомъ состояніи плѣняетъ взоръ, очарозываетъ чувства, услаждаетъ вкусъ и обоняніе: гдѣ царствуетъ вѣчная весна, гдѣ лѣнивый Татаринъ, усыпленный щедрою Природою, не знаетъ улучшать прививкою плодъ и никогда не насаждаетъ вновь дерева! Причина столь рѣдкаго изобилія происходитъ конечно отъ того, что высокая стѣна горъ защищаетъ Алупку отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ; и отъ того, что стѣна сія, будучи обращена прямо на полдень, дѣлаетъ ее подобною оранжереѣ, гдѣ лучшіе нѣж-

ные плоды, свойственные Южной Европѣ, могутъ произрастать съ тою же удобностію, какъ и въ настоящемъ ихъ климатѣ. Если масличные и лавровые деревья растутъ здѣсь сами собою, то весьма вѣроятно, что апельсины, померанцы и лимоны, при нѣкоторомъ присмотрѣ, могутъ также поспѣвать на открытомъ воздухѣ.

Природа столь изобильная въ прозябеніяхъ, не менѣе благотворительна и къ обитателямъ. Люди слабаго сложенія, особенно страждущіе грудью, дыша однимъ воздухомъ, могутъ здѣсь излечиться. Морозовъ на южномъ берегу и не знаютъ; снѣгъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней видятъ только на вершинахъ горъ. Мужчины и женщины могутъ похвалиться правильными чертами лица и статно-

стію. По покореніи Крыма Татарами, оставшіеся Греки приняли Магометанскую вѣру, и не смотря на смѣшеніе съ побѣдителями, утративъ даже и память о своемъ происхожденіи, чрезъ нѣсколько вѣковъ, сохранили свою пріятную физіогномію.

Возвращаясь съ прогулки на квартиру, мы увидѣли, сквозь чащу кустарниковъ, Татарскую дѣвушку разстилавшую на травѣ холстъ. Покрывало ея висѣло на деревѣ; она, не замѣчая насъ, спокойно продолжала свою работу. Дѣвушка была очень не дурна собою; гибкій ея станъ, необыкновенная въ здѣшнемъ климатѣ бѣлизна и свѣжій румянецъ остановили насъ у забора; но красавица, замѣтивъ нашу нескромность, какъ робкая серна, убѣжала въ свой домъ. Если бы,

думалъ я, надѣть на сію горную нимфу модный нарядъ, то она показалась бы еще милѣе - говорю: *показалась*, ибо полагаю, что красота есть оптическій обманъ: она кажется намъ такою, когда уже нравится, и когда мы готовы покланяться ея прелестямъ. Ты будешь спорить со мною, любезный другъ; но я, уступая тебѣ, спрошу: почему же не всѣмъ нравится одинъ предметъ? Почему каждый видитъ его не такимъ, каковъ онъ есть, а такимъ какъ ему хочется? И почему одинъ находитъ красавицу, во всѣмъ прелестную; другой же только что хорошею? Вотъ на чемъ основываю мое мнѣніе, и имъ же оканчиваю длинное мое письмо.

Ялта.

Въ три часа по полудни оста-

вили мы прелестную Алупку, еще версты четыре дурной дороги чрезъ вертепы и пропасти, а тамъ спокойный путь идетъ удобными и веселыми мѣстами. До Алупки сѣверные каменистые утесы совсемъ голы, но далѣе растетъ на нихъ крупный и мѣлкій лѣсъ. Въ окрестностяхъ Ялты горы сіи окружая полуциркулемъ морскій берегъ и вздымаясь къ верху, представляются въ самомъ живописномъ видѣ. На вершинѣ сего горнаго хребта находятся пространныя долины, тучною землею покрытыя. Татара пасутъ тамъ во все лѣто скотъ свой.

Мы ѣхали въ виду моря, посреди сада, насажденнаго природою. Дикій виноградъ, плющъ и другіе вьющіеся растѣнія такъ переплели деревья, что внутрь лѣса пройти не

возможно: соединенныя вѣтьви мѣстами составляютъ темную, крытую аллею. Устроенные набожными Музульманами водометы и вообще множество водъ, сливающихся и чистыми ручьями орошающихъ долины, испещренныя небольшими лугами и пашнями, составляютъ удивительную противоположность съ грознымъ видомъ моря и горъ, поросшихъ вѣковыми дубами, коихъ, по непроходимости дорогъ въ сію подоблачную высоту, рука человѣческая никогда не посѣкала.

Симъ прелестнымъ садомъ, гдѣ тихое клокотаніе ключей приводитъ въ приятную задумчивость, гдѣ небесная лазурь, зелень луговъ и рощей, море отъ тишины блестящее какъ зеркало, горы отъ чистоты воздуха оттѣненныя голубымъ туманомъ; гдѣ всѣ пред-

меты являлись въ полномъ величіи и красотѣ, проѣхали мы, не въ дальнемъ одно отъ другаго разстояніи, небольшія селенія Аутку, Мысехой, Куреисъ и Гаспру, и спустившись къ морю, прибыли въ Ялту. Генералъ долженъ былъ осмотрѣть здѣсь карантинную стражу, товарищи мои имѣли время отдохнуть, а я написать къ тебѣ нѣсколько строкъ моихъ замѣчаній.

Не возможно вѣрить, что бы столь небольшая деревня была нѣкогда *Ялита*, извѣстная въ древности обширною торговлею и многолюдствомъ. На крутой горѣ, у подошвы коей расположена Ялта, видны развалины крѣпости, разрушенной бывшимъ въ XV вѣкѣ землетрясеніемъ. Вотъ что осталось отъ богатаго и великолѣпнаго го-

рода! Грустно, мой другъ, смотрѣть на сіи памятники человѣческой суеты; еще грустнѣе, когда вообразимъ, что и роскошнѣйшія столицы не пощадятся временемъ, и зданія, съ толикою пышностію воздвигнутые, падутъ и обратятся въ надгробные памятники человѣческаго тщеславія.

Не смотря на видимую незначительность, Ялта есть средоточіе торговли южной Тавриды. Оная производится, по обычаю непросвѣщенныхъ народовъ, самымъ простымъ образомъ — мѣною. На всемъ полуденномъ берегѣ нѣтъ купцовъ, нѣтъ никакой промышленности, и каждый хозяинъ дома печется о продовольствіи и содержаніи своего сѣмейства, доставляя оному самъ необходимыя въ домашнемъ быту потребности. Крутыя скалы и не-

гостепріимное море не позволяютъ жителямъ строить лодокъ въ своихъ селеніяхъ; почему они и принуждены строить ихъ въ другихъ удобныхъ для того мѣстахъ. Нагружаютъ лодки незначительнымъ количествомъ мѣлкаго лѣса, плодами неподверженными скорой порчѣ, въ томъ числѣ дурнымъ изюмомъ, приготовляемымъ изъ дикаго винограда; болѣе же всего отпускаютъ лукъ, чеснокъ и ленъ отмѣнной доброты. Грузъ сей поручаютъ одному избранному, который разъ въ годъ осенью, промѣниваетъ оный въ ближнемъ Ѳеодосійскомъ портѣ на пшеницу, шелковыя Турецкія матеріи, соль и другія домашнія потребности.

Глубина моря у Ялты очень велика; дно каменисто; якорное мѣсто, кромѣ тихихъ лѣтнихъ

дней, открыто и опасно; почему купеческіе суда никогда въ Ялту для торговли не приходятъ. На южномъ берегу есть много пристаней, гораздо удобнѣйшихъ, но для предосторожности отъ чумы позволено жителямъ только изъ Ялты отправлять свои избытки, и всѣ лодки, прежде отправленія въ Ѳеодосію, или иной портъ, обязаны взять пашпортъ въ Ялтѣ отъ карантиннаго начальника, что по многимъ причинамъ не удобно и крайнѣ стѣсняетъ промышленность только тогда выгодную Государству и подданнымъ, когда оной предоставлена возможная свобода. Къ сожаленію Татара подобно Туркамъ вѣрятъ предопредѣленію и ни мало не страшаться чумы, почему и свобода въ торговлѣ не можетъ быть имъ дозволена; сверхъ того благоразуміе требуетъ не по-

лагаться на обыкновенныя карантинныя осторожности, и на ихъ къ намъ преданность.

Близь Ялты показали намъ деревни Дерикой и Алвасилъ, красотою мѣстоположенія и богатствомъ природы подобныя Алупкѣ. Обѣ деревни принадлежатъ Адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову.

Выѣхавши изъ Ялты, должны мы были перебираться чрезъ утесистый мысъ Киркенеисъ; съ него то великолѣпный водопадъ, называемый Татарами *Акаръ-су* (бѣлая вода) по крутому скату низвергается въ море. Вода, съ вершины мыса стекая въ началѣ тихою, тонкою струею и будучи останавливаема въ теченіи своемъ высунувщимися каменьями, постепенно

увеличивается въ силѣ, быстро спускается внизъ по скаламъ; наконецъ, въ крутящихся водоворотахъ, съ шумомъ подобнымъ грому, летитъ по отвѣсу, разбивается въ брызги, и обратившись въ пѣну, падаетъ въ море съ послѣдняго уступа, вышиною не мѣнѣе десяти саженъ. Во время сильныхъ дождей водопадъ сей представляетъ снѣжную колонну во 150 саженъ. Онъ составляется изъ родниковъ, находящихся по скату мыса, и когда нѣтъ дождей, безопасно можно къ нему приближаться. Мы переѣхали его на послѣднемъ уступѣ въ бродъ.

На ближнихъ къ водопаду горахъ (изъ коихъ вершина одной украшена руинами древней Ялты), въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ ростетъ *клубнишное* дерево. Оно и здѣсь очень рѣдко и дорого, ибо

растетъ на вершинахъ и въ ущеліяхъ дикихъ скалъ. Не подражая ли природѣ, которая лучшіе дары свои скрываетъ въ недоступныхъ стремнинахъ, человѣкъ отличныхъ достоинствъ кроется иногда во мракѣ неизвѣстности?

Въ четырехъ верстахъ отъ Ялты, осматривали мы остатки Греческаго монастыря Св. Іоанна. Стѣны церкви разваливаются, все прочее обращено въ кучи камней, и только въ полукружіи, гдѣ былъ алтарь, примѣтны еще лики святыхъ. Время и Татара пощадили лишь одинъ находящіися въ преддверіи храма прекрасный ключъ, который столь изобиленъ водою, что вырываясь изъ земли, бьетъ вверхъ фонтаномъ, и истекаетъ ручьемъ. Песокъ кипитъ на днѣ, а

вода чиста, какъ кристалъ, и холодна, какъ ледъ.

Никитскій садъ.

Проѣхавъ тридцать верстъ отъ Ялты и спустившись съ горъ къ морю, въ семь часовъ вечера прибыли мы въ Императорскій садъ, извѣстный подъ именемъ Никитскаго. Заведеніе сіе обязано своимъ существованіемъ Дюку де Ришелье; по его представленію, для улучшенія и размноженія Крымскихъ, также для разведенія иностранныхъ деревьевъ и ботаническихъ травъ, ГОСУДАРЬ опредѣлилъ на содержаніе сада 10.000 рублей въ годъ. Изъ здѣшняго питомника, еще вновь заводимаго, но уже изъ 70.000 прививковъ состоящаго, жители Крыма за умѣренную плату, (по 40 копѣекъ) могутъ получать

самые лучшіе плодовитые деревья. Къ сожалѣнію, Татара южнаго берега, мало симъ пользуются.

За отсутствіемъ Директора Г. Штейна, живущаго въ Семфиронолѣ, отвели намъ его домъ, и мы въ ономъ очень покойно расположились. Маленькіе домики простой, но пріятной архитектуры, назначенные для работниковъ и сторожей, по первому на нихъ взгляду обѣщаютъ нѣчто болѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ: они кажутся очень великолѣпными въ сравненіи съ Татарскими хижинами, къ которымъ взоръ нашъ уже привыкъ.

Мы вышли прогуляться; но роса, падающая здѣсь крупными каплями и съ избыткомъ въ сухое лѣто замѣняющая дождь, принудила

насъ скоро возвратиться въ домъ, гдѣ послѣ сытнаго ужина расположились мы на сѣнѣ спать, однакожь долго не уснули, ибо съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали людей нашихъ, которые уже поздно ночью пріѣхали. И мы, любезный другъ заплатили дань за любопытство: одна изъ вьючныхъ лошадей, на которой сидѣлъ мой деньщикъ, отъ усталости ли или отъ того, что была туго подтянута, на дурной дорогѣ, въ трехъ верстахъ отъ Алупки, сначала зашаталась, потомъ стала — и едва деньщикъ успѣлъ соскочить и отрѣзать вьюкъ; лошадь упала, скатилась въ пропасть и погибла.

Остановка въ лошадяхъ, которыхъ должно было привесть изъ дальнихъ деревень, доставила намъ пріятный роздыхъ и случай осмо-

шрѣть хорошенько садЪ. Мы встали очень рано, и напившись кофе, спѣшили насладиться прохладою утра. ВЪ НикитскомЪ саду романическая Крымская природа представляется сЪ наилучшей ея стороны; то, чего желалЪ я для Алупки, сдѣлано здѣсь и очень удачно. Кто хочетЪ имѣть понятіе о богатствѣ произведеній южнаго берега, тому стоитЪ посѣтить Никитскій садЪ. ВЪ немЪ-то труды искуства облекли природу новыми прелестями и раскрыли дикіе, величественные ея виды. Не возможно не удивиться симЪ покойнымЪ сходамЪ, устроеннымЪ на безобразныхЪ крутизнахЪ, на которыхЪ, прежде должно было исцарапать руки и ноги. Дорожки, пробитыя по скаламЪ, индѣ вЪ видѣ лѣстницы, индѣ вЪ изгибахЪ улитковой черты, идущія внизЪ и вверхЪ по

различнымъ направленіямъ, между вѣковыхъ дубовъ, уродливыхъ буковъ и огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ, коренныхъ, такъ сказать, обитателей сихъ мѣстъ, вдругъ неожиданно выводятъ къ плодоносным рощицамъ нѣжнѣйшихъ чужеземныхъ деревъ. Посреди расчищенныхъ лужковъ, по обѣ стороны дорожекъ насаждены въ прелестномъ безпорядкѣ и узорами благовонные цвѣты и кустарники, привезенные сюда изъ другихъ климатовъ.

Сходя и восходя съ уступа на уступъ мимо оранжерей, теплицъ, гдѣ рѣдкіе произрастенія и ботаническія травы четырехъ частей свѣта растутъ, какъ въ своемъ отечествѣ; мимо красивыхъ домиковъ, построенныхъ въ саду для разныхъ службъ, переходили мы

заключенные въ тѣсныхъ каналахъ, или свободно текущіе ручьи, проведенные для поливки во всѣ концы сада. Болѣе пяти часовъ, бродя туда и сюда, читали Латинскія надписи на цвѣтахъ, разсматривали Африканскіе и Американскіе растенія, видѣли много рѣдкаго и не удивлялись ничему — можетъ быть потому, что мы уже привыкли видѣть то, чего и назвать не умѣли. Полдневный жаръ и хорошій аппетитъ напомнили намъ, что пора обѣдать. Мы не хотѣли войти въ домъ, а сѣли подъ роскошною тѣнію деревъ.

Гурсуфъ.

Въ четыре часа пополудни отправились далѣе. Едва успѣлъ я стать въ стремя, горячій конь мой, закусивъ удила, пустился

какъ изъ лука стрѣла, не могши управить его по дорогѣ, въ минуту очутился я на вершинѣ крутой скалы. Тутъ лошадь остановилась но еслибъ шагъ впередъ, смерть была бы неизбѣжна.

Дорога къ Гурсуфу очень безпокойна. Она пролегала вдоль морскаго берега чрезъ крутыя хребты горъ, въ коихъ широкія и глубокія водопромоины затрудняли насъ на каждомъ шагу. Дорога иногда шла у подошвы горъ близь самаго моря, и тутъ груды каменьевъ, или далеко выдавшійся въ море мысъ, принуждали насъ объѣзжать ихъ въ бродъ. Хотя не было большаго вѣтра, однакожь волны, встрѣчая препятствіе и разбиваясь о каменья, подымались довольно высоко. Сими всплесками не оставило на насъ сухой нитки; отъ шума

волненія лошади пугались не шли въ воду, то обращались прямо къ берегу, то назадъ, что всѣхъ насъ крайнѣ утомило.

Черезъ часъ ѣзды остановились мы у большаго о двухъ этажахъ дома съ бельведеромъ, принадлежащаго Дюку де Ришелье. Хотя домъ не совсемъ еще отстроенъ, но вблизи низкихъ хижинъ кажется огромнымъ и великолѣпнымъ замкомъ. Главнымъ фасадомъ обращенъ онъ къ горамъ; съ другой стороны видно море. Мнѣ показалось сначала, что лучше бы главный фасадъ обратить къ морю; но взошедши на балконъ и взглянувъ на окрестности, я согласился, что хозяинъ правъ. При подошвѣ двухъ высокихъ горъ: Яйлли и Аюдага (медвѣжья) въ тѣсной долинѣ, орошаемой небольшою рѣчкою, видно

нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, составляющихъ деревню Гарсуфъ (*). Горы отъ вершинъ до основанія и самая долина покрыты плодоносными деревьями и стоятъ такъ близко одна къ другой, что высотою своею защищаютъ сады отъ солнца и доставляютъ имъ нужную влагу и прохладную тѣнь; это придаетъ долинѣ сколько уединенный, столько же и пріятный видъ. На Аюдагѣ, отдѣлившейся отъ прочихъ горъ къ морю, видны остатки крѣпости и церкви. Между развалинами, находятъ мраморныя столбы; ученыя полагаютъ что онѣ принадлежатъ славному Парфенитскому Минервину храму. Сохра-

---

(*) *При владычествѣ Грековъ деревня сія называлась Крисифина, т. е. прекрасная.*

нившіяся части стѣнъ и бойницъ крѣпости улѣплены на обрывистой скалѣ, откуда фаосъ жестокосердый Царь Тавриды низвергалъ всѣхъ иноплеменныхъ въ морѣ. Смотря на сіи величественныя руины, не вѣришь глазамъ, что бы могли быть построены зданія на такихъ неприступныхъ мѣстахъ. Отъ землетрясенія часть горы обрушилась, отъ чего образовались двѣ острыя скалы, имѣющія совершенное подобіе вилъ.

Парфенитъ.

За Аюдагой въ прекрасной долинѣ находится деревня Парфенитъ, сохранившая древнее свое Греческое названіе. Деревня сія, прилично имени *дѣвицы* (*)

(*) *Парфенитъ на Греческомъ языкѣ*

окружена романическими видами. На берегу быстрой рѣчки разсѣяны убогія хижины, закрытыя садами. Вѣтьвистыя деревья, склонившись на воду, скрываютъ оба берега. Долина довольно обширна и ровна; небольшіе перелѣски раздѣленные лугами, огромныя горы, окружающія ее съ одной, и море, омывающее долину съ другой стороны, придаютъ мѣстоположенію видъ открытый и веселый.

Близь Парфенита выдается въ море высокій мысъ, котораго видъ привлекаетъ на себя вниманіе. Гора сія почти совершенно кругла и вершина ея подобна куполу. Внутренность горы состоитъ изъ твердой

значитъ дѣвица, каковое названіе присвоено особенно Минервѣ, и храмамъ ей посвященнымъ.

лавы, извѣстной у Минералоговъ подъ именемъ: *леперино*, который можно полировать и употреблять на строеніе.

Отъ Парфенита дорога идетъ по берегу моря чрезъ невысокіе, какъ бы граненые холмы. Мы проѣзжали ровныя мѣста и къ удивленію видѣли, что на поляхъ пшеница уже созрѣла (*). Татара, по мѣрѣ нуждъ своихъ, и если имъ вздумается преодолѣть свою лѣность, на одной пашнѣ собираютъ въ годъ двѣ жатвы; первая поспѣваетъ въ началѣ Іюня, а послѣдняя въ Сентябрѣ.

Отъ Никитскаго сада до Кучукъ-Лампада считается 20 верстъ; мы проѣхали это разстояніе очень

(*) 9 *ч. Іюня.*

скоро и хотѣли ѣхать далѣе, но какъ въ Лампадѣ не было изготовлено лошадей, то и принуждены были остановиться ночевать.

Кучукъ - Лампадъ.

Кучукъ-Лампадъ украшается прекраснымъ двуэтажнымъ домомъ, принадлежащимъ Таврическому Губернатору А. М. Бороздину. Услужливый управитель Его Превосходительства ввелъ насъ въ верхнее жилье и уговорилъ отложить намѣреніе наше ѣхать далѣе на тѣхъ же усталыхъ лошадяхъ.

Не возможно выбрать лучшаго положенія для дома, который будучи обращенъ главными фасадами къ морю и къ горамъ, окруженъ отвсюду живописными мѣстами. Наружность дома проста, внут-

ренннее расположеніе удобно и покойно: я много видѣлъ подобныхъ въ Италіи, называемыхъ лѣтними загородными домами.

У фасада, обращеннаго къ морю, пристроена круглая стеклянная галлерея, покрытая куполомъ; тутъ мы пили чай и наслаждались зрѣлищемъ заходящаго солнца. Едва отворили окна галлереи, какъ благовонныя цвѣты разлили вокругъ насъ сладкіе ароматы. Видъ съ другой стороны, съ балкона дома, прелестный, очаровательный. Воздухъ былъ чистъ, погода прекраснѣйшая, и уединенный соловей начиналъ вечернюю пѣснь свою. Эхо откликалось громкимъ голосамъ пастуховъ и мычанію скота, бѣгущаго съ горъ къ хижинамъ. Окрестности Лампада таковы, что и самому пылкому

воображенію не остается чего либо желать. Горы, какъ бы рукою человѣческою ограненныя, постепенно отъ моря возвышаются и кажутся поставленными одна на другую; главы дальнѣйшихъ, коими ограничивается зрѣніе, покрыты Сосновымъ и Мозжевеловымъ лѣсомъ; другія горы отъ вершинъ до основанія одѣты плодоносными деревьями; въ долинахъ видны луга и пашни. По возвышеніямъ представляются Татарскіе селенія и нѣсколько мызныхъ домиковъ, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ и конечно любителямъ природы. Бѣлый цвѣтъ сихъ домиковъ и красныя черепичныя крышки, отливаясь на зелень окружающихъ ихъ садовъ, удивительно какъ украшаютъ мѣстоположеніе. Въ недальнемъ разстояніи отъ дома А. М. Бороздина, съ

небольшой высоты стекаютъ два ручья: одинъ изъ нихъ приводитъ въ движеніе мѣльницу и оросивъ садъ помощію отводнаго канала, падаетъ въ море; другой, быстрымъ потокомъ обтекая противоположную сторону дома, также вливаетси въ море.

Видъ на открытое море имѣетъ еще большія ощутительныя прелести. Сидя на берегу, невольно погружаешься въ сладкую задумчивость. Видъ бурнаго океана сообщаетъ воображенію возвышенный полетъ; спокойное же положеніе онаго вливаетъ въ душу приятныя мечты. Послѣдніе лучи заходящаго солнца темнѣли на западѣ и въ золотомъ, радужномъ огнѣ играли на стеклахъ галлереи. Близь берега царствовала совершенная тишина, море подобно было

чистому, свѣтящемуся зеркалу, а далѣе; вздымаемое легкимъ вѣтеркомъ, переливалось блестящими чешуями. Въ пристани (*) качались двѣ лодки: онѣ привязаны были къ острымъ каменьямъ, на которыхъ тихо колеблющіяся волны, разбиваясь, крушились и производили шумный бурунъ, коимъ лодку бросало то вверхъ, то внизъ, и не знаю почему это мнѣ очень нравилось. У ближняго мыса смѣло разсѣкала волны разкрашенная шлюбка, построенная по образцу употребляемыхъ на военныхъ корабляхъ. Управитель, желая чемъ нибудь

(*) *По Гречески Лампадесъ, такъ названную по сходству ея съ древнею Лампадою; почему къ слову: Кучукъ, т. е. деревня, прибавили другое: Лампадъ.*

попотчивать насъ, самъ со своими людьми ловилъ устерсъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи подъ полными парусами, по различнымъ направленіямъ, плыло нѣсколько кораблей. Одинъ изъ нихъ выпалилъ изъ пушки, и всѣ другіе пошли къ нему на встрѣчу. Этотъ выстрѣлъ, глухимъ раскатомъ повторившійся по горамъ, прервалъ мои сладкія мечты и время уже было отдохнуть. Каждый изъ насъ имѣлъ кроватъ съ матрасомъ, и вотъ въ первый разъ въ продолженіи нашего путешествія успокоены мы были какъ должно.

Чатыръ-Дагъ.

На зарѣ, прежде нежели восходящее солнце, могло разсѣять легкій туманъ, носившійся надъ моремъ и горами, мы выѣхали изъ Кучукъ-Лампада.

По мѣрѣ того, какъ лучи восходящаго солнца окруженнаго пурпуровымъ облакомъ, проникали мглу покрывавшую всѣ предмѣты, тѣни на зелени постепенно яснѣли, постепенно переходили изъ темнаго въ свѣтлый цвѣтъ; когда же солнце въ полномъ величіи своемъ показалось надъ горами, туманъ какъ легкій паръ изчезъ, и завѣса скрывавшая прелестный ландшафтъ поднялась. Въ уединенной тишинѣ, прерываемой только журчаніемъ ручейковъ и нѣжными кликами порхающихъ птичекъ, окуренный ароматами, которыми благовонныя растѣнія освѣженныя утреннею росою наполняли воздухъ; я не зналъ на чемъ остановиться, и во множествѣ прекрасныхъ видовъ не смѣлъ сдѣлать выборъ. Тамъ, чорныя скалы сдвинувшіеся съ основаній своихъ склонились надъ

необозримымъ пространствомъ моря, волнуемаго сильнымъ вѣтромъ; тутъ, прямо стоящія утесы высятся, и гигантскою своею высотою ограждаютъ веселую долину, гдѣ природа собрала всѣ свои дары для услажденія вкуса и очарованія взора. Селеніе въ половину сокрытое подъ наклономъ дикаго утеса и осѣненное роскошною зеленью садовъ, представляетъ разительную противуположность красоты и ужаснаго безобразія. Природа столь обильная въ твореніи своемъ, конечно не могла ничего создать лучшаго въ обоихъ родахъ: вверху видишъ грозныя Альпы достигающія небесъ, внизу прелестную долину Южной Италіи; гдѣ Оливы, Лавръ и манноносный Ясень скромно ростутъ на берегахъ свѣтлаго излучистаго ручья; гдѣ огромныя Каркасы и Курма остатки древняго

садоводства Грековѣ, какѣ бы поддерживаютѣ грозящій паденіемѣ утесѣ. Словомѣ мнѣ казалось, что мы проѣзжали мѣста обитаемые Армидою, гдѣ подѣ прекраснѣйшимѣ небомѣ, все цвѣтетѣ, красуется и все достойно пера поэта и кисти живописца.

Дорога шла чрезѣ не высокія горы, селенія и обработанныя поля встрѣчались чаще, за то мы уже не видѣли вѣ садахѣ тѣхѣ плодовѣ, которые произрастаютѣ вѣ Алупкѣ. За Лампадомѣ начинается кажется другой климатѣ, не менѣе однакожь богатой и изобильной.

Хребты горѣ постепенно склоняясь ниже и ниже, кончились наконецѣ долиною. На семѣ то мѣстѣ вѣ пяти верстахѣ отѣ моря возвышается Исполинѣ Крымскихѣ

горъ, огромный Чатыръ-Дагъ. Онъ стоитъ одинъ уединенно и открытъ со всѣхъ сторонъ отъ вершины до основанія, цѣпь горъ предъ нимъ разрывается, ближайшія къ нему кажутся не высокими пригорками, и сіе придаетъ ему видъ наиболѣе величественный. Другія горы, кажется, изъ почтенія отъ него нѣсколько отступили. Перпендикулярная высота Чатыръ-Дага отъ горизонта воды простирается до 1250 саженъ, бока его растягиваются до 20 и болѣе верстъ во всѣ стороны. Вершина его имѣетъ совершенное подобіе разкинутой палатки, почему и дано ему названіе Палатъ гора. Съ которой бы стороны моря, корабли къ Крыму не подходили, Палатъ гора первая открывается. Она стоитъ посреди Крыма такъ, что всѣ большія рѣки вытекаютъ изъ подошвы его на

Западъ и Востокъ. Отъ сихъ двухъ сторонъ подымается онъ круто, а съ другихъ двухъ имѣетъ отлогій скатъ. Отъ моря гора покрыта частымъ лѣсомъ, но чѣмъ ближе къ верху, тѣмъ оный рѣже становится. Близь вершины ея находятся три площади, покрытые тучною землею, производящею Алпійскія растенія и украшенною не большими рощами. Въ ямахъ закрытыхъ отъ солнца снѣгъ никогда нетаетъ.

Чатыръ-Дагъ состоитъ въ общемъ владѣніи пастуховъ, издревлѣ обыкшихъ пасти на немъ свои стада. Окрестные жители и даже изъ дальнихъ мѣстъ пригоняютъ сюда скотъ. Каждый хозяинъ замѣчаетъ свое стадо особымъ знакомъ и оставляетъ оное на все лѣто свободно гулять по горѣ. Осенью

пастухи раздѣляютъ стада по знакамъ и сдаютъ по принадлежности. Сочныя травы растущія по горѣ, изобиліе ключевыхъ водъ даже на самой вершинѣ находящихся, и множество пещеръ служащихъ убѣжищемъ отъ дождей и во время полуденныхъ жаровъ, доставляютъ скоту питательный кормъ, здоровое питье и покойное укрытіе отъ непогодъ и зною. По симъ причинамъ, мериносы размножаются здѣсь удивительнымъ образомъ и экономамъ содержаніе оныхъ нестоитъ ни какихъ издержекъ и безпокойства. Тонкіе пары изъ земли и лѣсовъ, лучами солнца извлекаемые, восходятъ вверхъ, собираются надъ вершиною горы и низпадаютъ на оную прохладнымъ дождемъ, часто въ такое время, когда при подошвѣ его и въ долинахъ терпятъ несносной зной. Въ семъ отношеніи Четыръ-

Дагъ можно почесть неоцѣненнымъ даромъ природы для Крымскихъ жителей.

Миновавъ Чатыръ-Дагъ хорошая дорога кончилась и равнодушіе наше вновь потревожилось. Мы начали подыматься на горы, подобныя Кучукъ-Койскимъ. Камни, пни деревьевъ, загрязли въ разсѣлинахъ; глубокіе овраги и стремнины часто принуждали насъ искать другой дороги.

Слѣдуя по узкой тропинкѣ, приближились мы къ обрушившейся горѣ Костель. Громада сія, подмываемая моремъ постепенно разрушается; земля на ней столь слаба, что лошади ступивъ осторожно нѣсколько шаговъ, остановились, и мы принуждены были, пробираться по морскому берегу,

гдѣ могли быть раздавлены на прилепѣ висѣвшею глыбою земли. Объѣхавъ гору подъ наклономъ сихъ ужасныхъ превращеніи, нечаянное появленіе прелестной долины украшенной густою зеленью, остановило мои взоры; мнѣ казалось, я вижу Алциноевъ садъ и чувства мои были подобны тѣмъ, когда въ бурную ненастную погоду вдругъ проглянетъ благодатное солнцѣ. Сады сіи скрывали Алушту.

Алушта.

На всѣмъ Южномъ берегѣ, особенно гдѣ почва земли состоитъ изъ рыхловатой глины и песку, сильные дожди бывающіе въ зимніе мѣсяцы причиняютъ великія опустошенія. Они дѣлаютъ такія же разоренія какъ землетрясеніе и Вестъ-Индскіе Ураганы. По высотѣ

горъ, водные потоки несутся съ быстротою неимовѣрною; все на пути встрѣчающееся ниспровергаютъ: тяжелые каменья, глыбы земли, вырванныя съ корнемъ деревья, скотъ и все что нипопадется погибаетъ въ крутящейся пучинѣ. Горе путешественнику, если такая буря застигнетъ его въ дорогѣ, а паче въ долинѣ: наводненіе вдругъ затопляетъ оныя такъ, что нерѣдко и высокія деревья покрываются водою. Въ сіе-то время горы наполняются отчаяннымъ воплемъ поселянъ, лишенныхъ своего имущества. Часто по двѣ недѣли и болѣе несмѣютъ они выходить изъ своихъ хижинъ; ибо грязь, новые пропасти и испорченныя дороги прерываютъ сообщеніе.

Алушта расположена на ровномъ мѣстѣ, на берегу быстрой рѣчки,

окружена садами, въ которыхъ нѣтъ уже Фиговыхъ, Масличныхъ и симъ подобныхъ нѣжныхъ деревьевъ; но свободное сообщеніе на арбахъ (*) съ внутреннимъ Крымомъ съ избыткомъ замѣняетъ сіе лишеніе. Въ сей деревнѣ мы только перемѣнили лошадей.

За Алуштою снова начинаются не высокія, обнаженныя горы, изрѣдка растутъ на нихъ, толстыя, кривыя мозжевеловыя деревья. Горы сіи по виду, подобны тѣмъ, которыя производятся подземнымъ огнемъ; они представляютъ обширную пустыню, гдѣ все голо и безобразно. Прелестная природа снова

(*) *Такъ называются большія Татарскія телеги, подобныи Нѣмецкимъ фурамъ.*

смѣняется скучными мѣстами. Здѣсь что шагъ, то новый видъ; удивленный путешественникъ попеременно встрѣчаетъ, или веселую долину достойную Альбановой кисти, или чорныя скалы воспѣтыя въ пѣсняхъ древними бардами.

Кучукъ - узень.

Въ Кучукъ-Узени мы остановились въ домѣ помѣщика, сдѣлавшаго опытъ надъ разведеніемъ шелковыхъ червей. Тутовыя деревья, несмотря на то, что ихъ очень неберегутъ, ростутъ скоро. Опытъ сей былъ довольно удаченъ и помѣщикъ получаетъ отъ шелку главный свой доходъ. Кучукъ-Узень лежитъ при подошвѣ голыхъ, красноватаго цвѣту горъ: плантацій, Тутовыхъ деревъ, Виноградники и

сады деревню окружающіе, уподобляютъ ее хорошей картинѣ, повѣшенной не у мѣста, въ ветхомъ не опрятномъ домѣ. Отсюда отправляется въ Семфирополь и другіе города, очень изрядное красное вино и нѣсколько пудовъ шелку.

Третью станцію мы ѣхали все вскачь, я не столько усталъ, сколько соскучился. Черные, какъ бы обгорѣлые верхи горъ страшно выглядывали одна изъ за другой. День былъ очень жаркой, и мы нашедъ на берегу почти изсохшаго ручья уединенно растущее одно терпентиновое дерево, обрадовались и его бѣдной тѣни. Подъ нимъ мы отдохнули, въ ручьѣ напоили лошадей и съ сего мѣста дорога пошла отъ моря въ горы, которые вдругъ стали возвышаться уступами. Кой гдѣ находили мы сухія былія, колючіе

кустарники, но нигдѣ не видали ни деревъ, ни обработанныхъ полей, хотя почва земли мѣстами очень тучна. Природа облечена тутъ въ печальную одѣжду, мы думали, что еще нескоро кончится эта пустыня; но какъ же изумились, когда взошедъ на вершину горы, при подошвѣ оной въ веселой долинѣ посреди садовъ увидѣли деревню *Тувакъ*. Чистый ручеекъ протекая оную, вертитъ нѣсколько мѣльничныхъ колесъ, что придаетъ деревнѣ отличной видъ и мнѣ казалось, что путешествую по Швейцаріи. Изрѣдка попадающіеся опрятные домики нѣмецкихъ колонистовъ, здѣсь поселившихся заставляютъ забыть, что находишся посреди Татаръ. Мы пустились подъ гору во весь духъ, у моей лошади оборвалась подпруга и пока оную

исправляли передовые съ проводникомъ уѣхали въ передъ.

Немогши пантоминою хорошенько разпросить о дорогѣ, по которой намъ должно было ѣхать; пустились вскачь догонять товарищей и очутились у подошвы горы, на которую не видно было и малѣйшей тропинки. (*) Вмѣсто того, что бы воротиться назадъ и взять въ деревнѣ провожатаго, по общему согласію положено было ѣхать далѣе не удаляясь отъ моря. Долго высматривали мы откуда

(*) *Гора сія мало чѣмъ уступаетъ въ высотѣ Чатыръ-Дагу, и имѣетъ весьма странный видъ. На вершинѣ ея видны слѣпленныя изъ глины башни, Пирамиды и Колонны, точно какъ бы руками зделанныя.*

было бы удобнѣе подняться, и нашедъ каменистое ущеліе, нѣсколько отлогое, поѣхали на гору. Съ великою трудностію взошедъ на вершину оной, увидѣли, что намъ должно было ѣхать еще выше. Наконецъ и въ третій разъ принуждены были карабкаться на такую крутизну, что безпрестанно опасались скатиться внизъ. Оставшись въ троемъ, и невидя вокругъ себя и слѣдовъ человѣческихъ, попеременно кликали мы впереди ѣхавшихъ — отвѣта не было; печальное безмолвіе прерывалось только громкимъ эхомъ. Наконецъ утомивъ лошадей и самихъ себя, мы достигли вершины самой высокой горы; и тутъ къ крайнему огорченію замѣтили, что слишкомъ неблагоразумно поступили, пустившись на угадъ. Напрасно кликали мы передовыхъ и искали ихъ по скату горы

и въ долинѣ. Ни жилища, означающагося здѣсь Тополями (*), ниже какого знака обитаемости не видно было. Блуждая устрашеннымъ взоромъ, мы видѣли подъ ногами своими огромныя горы наваленныя одна на другую, голыя вершины ихъ близко подходили къ небесамъ. Въ недоумѣніи и страхѣ, мы сѣли на краю горы, у подошвы коей море сильно бушевало. Волны разбиваясь о камни производили шумъ унылый и вмѣстѣ ужасный. Нѣсколько горныхъ Орловъ тихо и близко летали надъ головами нашими. Одинъ изъ нихъ сидя на тонкомъ сучкѣ можжевельника, смѣло качался надъ пропастью.

Отдохнувши пошли подъ гору

(*) *Татара имѣютъ обычай сажать Тополи вокругъ домовъ своихъ.*

пѣшкомъ и скоро напали на тропинку. Радость наша увеличилась, когда на полугорѣ увидѣли стадо козъ. Удивленный чабанъ (пастухъ) не отвѣчая на слова наши, разинувъ ротъ, долго осматривалъ насъ съ ногъ до головы и непонимая нашихъ пантоминовъ, наконецъ смѣшными тѣлодвиженіями, показалъ рукою, куда намъ должно было ѣхать, казалось только для того, что бы отъ насъ скорѣе отдѣлаться. Пустившись по его показанію пріѣхали къ такому обвалу, что принуждены были взявши лошадей въ повода спускаться внизъ ползкомъ, хватаясь за сучья терновника. Дорога привела насъ къ морю и къ такому крутому мысу, что принуждены были объѣхать оный вплавь водою. Еще разъ сдѣлавши подобную переправу, увидѣли пашни сады и наконецъ Тополи. Уже поздно

ввечеру, прибыли мы на ночлегъ, гдѣ нашли товарищей своихъ, которые и съ проводникомъ такъ же потеряли дорогу и такъ же какъ мы устали. Сей день въ три переѣзда проѣхали 70 верстъ а мы безъ сомнѣнія проплутали до 90.

Юскутъ.

Юскутъ есть богатѣйшее и многолюднѣйшее изъ всѣхъ селеній Южнаго берега. Подъѣзжая къ деревнѣ за 4 версты начинаются плодовитые сады, виноградники и пашни трудолюбивою рукою обработанные. Деревня расположена въ долу на трехъ отлогостяхъ Амфитеатромъ. Между обыкновенныхъ хижинъ, гордо возвышаются двухъэтажные дома и мечеть съ прекраснымъ минаретомъ украшеннымъ позлащенною луною. Кладбище

уставленное мраморными мавзолеями, столбами увѣнчанными чалмами и безобразными личинами, имѣетъ какой то романическій видъ и служитъ наилучшимъ украшеніемъ деревни.

Здѣшніе зажиточные Татара торгуютъ съ Константинополемъ и отъ обращенія съ иностранцами очень привѣтливы и обходительны; почему все кажетъ видъ довольства и изобилія, все живо и все весело, даже женщины отъ насъ непрятались. Добрые Татара съ усердіемъ старались насъ угостить, каждый хозяинъ дома предложилъ отъ себя что имѣлъ лучшаго, и когда мнѣ понадобилась трубка, то одинъ изъ нихъ всталъ, принесъ мнѣ кисетъ табаку съ тремя стамбулками, а на вопросъ мой чего стоютъ? Татаринъ съ важною улыбкою,

положивъ руку на грудь и немного уклонивъ голову, отвѣчалъ мнѣ: ,,мы неимѣемъ обычая брать съ гостей нашихъ за угощеніе, я приношу вамъ сей даръ въ знакъ памяти,,. Бесѣда такихъ добродушныхъ людей была для насъ очень занимательна и пріятна. они съ благодарностію признаются, что имъ лучше и спокойнѣе стало жить подъ нашимъ правленіемъ, нежели было подъ Турецкимъ. (*) Великая Екатерина заплатила имъ добромъ за зло, и тѣ враги наши, которые въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, грабили, утѣсняли и опустошали безнаказанно наше отечество, теперь даже

(*) *Замѣтить надобно, что такъ говорятъ кулцы, которымъ ни когда не нравится военный деспотизмъ.*

простолюдины пользуются правомъ помѣстныхъ дворянъ, не вносятъ въ казну никакихъ личныхъ повинностей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости. Надобно однакожъ, отдать имъ справедливость; татара признательны къ благодѣющимъ имъ монархамъ, и въ незабвенный 1812 годъ они доказали, что искренно любятъ свое новое отечество. По первому къ нимъ возванію на собственномъ иждивеніи Крымскіе Татара выслали чрезъ три дня четыре тысячи конныхъ ратниковъ и предложили всѣхъ своихъ молодыхъ людей на службу. Пожертвованіе было столь значительно, что Государь отблагодаривъ ихъ за усердіе, принялъ едвали четвертую часть онаго.

Ужинъ подали намъ преизобильной и болѣе на нашъ, нежели на

ихъ вкусъ. Ночлегомъ мы были еще болѣе довольны, ибо до сего времени въ татарскихъ хижинахъ имѣли очень безпокойные. Меня съ двумя товарищами отвели въ небольшую комнату, которая освѣщена была пылающимъ огнемъ въ каминѣ, стѣны увѣшены были бумажными полотенцами вышитыми золотомъ и серебромъ съ битью въ Азіатскомъ вкусѣ. Матрасы, одѣяла и подушки всѣ были изъ шелковой матеріи.

У Юскута горный хребетъ разрывается, и въ лежащей между онымъ долинѣ проложена прямая дорога въ Карасу-Базаръ. По обѣимъ сторонамъ сего отверстія стоятъ двѣ высокія каменныя горы, коническую фигуру имѣющія.

Капсихоръ.

Въ шесть часовъ утра оста-

вили Юскутъ. Дорога такъ же гориста и малолѣсна, но встрѣчавшіяся деревни осѣнены пріятною зеленью. Нѣсколько домиковъ построеныхъ въ Европейскомъ вкусѣ, и самою простою своею Архитектурою привлекаютъ взоръ и много украшаютъ унылыя голыя окрестности.

Азіатскимъ народамъ надобно отдать преимущество въ искуствѣ, употреблять и прохлаждать жилища свои водою. Они и малѣйшія едва текущіе ручьи принуждаютъ приносить имъ пользу и удовольствіе. Нельзя не замѣтить очень простое устроеніе здѣшнихъ мѣльницъ. По первому на нихъ взгляду догадаться не возможно, къ какому употребленію онѣ назначены. Вода небольшаго ключа, выходящаго изъ горы,

стекая въ жолобъ, обращаетъ подставленное подъ оный колесо, которое приводитъ въ движеніе жернова, утвержденные между стоекъ, просто поставленныхъ на землѣ. Большіе водополи не могутъ разорить такихъ мѣльницъ, стоитъ только колесо съ осью снять со станка и мѣльница разобрана. Въ 10 верстахъ отъ Юскута на высокомъ мысѣ, видны развалины, Татарами Чабанъ — Кале или пастушья крѣпость называемая, потому, что теперь служатъ она убѣжищемъ пасущимся по близости стадамъ. За Капсихоромъ въ 20 верстахъ отъ Юскута отстоящемъ, природа вновь является въ роскошномъ и романическомъ видѣ. Дорога укрытая тѣнію плодовитыхъ лѣсовъ ровна и удобна для экипажей.

Судакъ.

Въ полдень, въ самый жаръ проѣхавъ 25 верстъ, мы прибыли въ Судакъ. Выѣзжая на долину, простирающуюся отъ сѣвера къ Югу на 10 верстъ, окруженную и стѣсненную съ трехъ сторонъ горами, которыхъ скаты покрыты лѣсомъ, а самая долина, такъ сказать, устлана виноградными лозами, посреди коихъ видны прекрасные каменныя домики, и длинные погреба, мнѣ казалось, что я нахожусь въ окрестностяхъ одного изъ великолѣпныхъ городовъ Италіи. Журчаніе родниковъ стекающихъ съ горъ и обогащающихъ водами небольшой источникъ, протекающій посреди и вдоль долины, прелестное мѣстоположеніе и видимое богатство природы увеличивали мое нетерпѣніе — но вмѣсто

того, какъ я себѣ воображалъ, увидѣть многолюдный городъ, мы проѣзжали только разсѣянныя хижины и встрѣчали весьма малое число людей, и остановились въ пустомъ флигелѣ, гдѣ жилъ одинъ сторожъ.

Дорожный запасъ нашъ кончился и сверхъ чаянія и за деньги ничего не могли достать. Напрасно ожидали мы добрыхъ Татаръ, которые безъ нашей прозьбы всегда приносили намъ козленка или барашка или что другое. Здѣшніе Греки занимающіеся винодѣліемъ не имѣютъ хозяйства, и потому черешнями, виномъ и водою должны были удовольствоваться вмѣсто обѣда. Попирая ногами остатки Греческаго величія съ голоднымъ желудкомъ, я не имѣлъ охоты ему удивляться и сдѣлалъ одно замѣчаніе:

нынѣшніе Греки очень промышлены и всякую бездѣлицу умѣя обратить въ деньги, дѣлаютъ видъ будто во всемъ терпятъ нужду. Татара же напротивъ того довольствуясь, что имъ даетъ природа, по волѣ своей будучи въ самомъ дѣлѣ бѣдны, столько гостепріимны и безкорыстны, что кажется, и употребленія денегъ незнаютъ. Да проститъ мнѣ Гомеръ, столько похвалявшій древнее Греческое гостепріимство, сіе сравненіе, не выгодное, но справедливое....

Земля близъ Судака безплодна, но въ самой долинѣ грунтъ состоитъ изъ глины, чернозема и мѣлкаго камня, напаяемой множествомъ родниковъ въ немъ сокрытыхъ. Если бы не слишкомъ много поливали виноградники, то можно бы получить вино лучшей

доброты. При дѣланіи онаго не разбирая сорты винограда, спѣлой, не спѣлой и гнилой, все кладутъ подъ прессъ и по симъ причинамъ судакское вино, котораго въ урожайной годъ продается до 100 тысячь ведръ, водяно и скоро киснетъ. Во всѣмъ Крыму вошло въ обычай два или три раза въ продолженіи лѣта, особенно предъ собираніемъ винограда, новодня̀ть виноградники до того, что оные въ сіе время уподобляются болотамъ. Знающіе экономы во все садовъ своихъ не поливаютъ, выбираютъ для оныхъ сухую, каменистую почву, обращенную къ Полдню. Въ здѣшнемъ Императорскомъ садѣ, вновь разводимомъ, у Директора Голандца Ван-Деръ-Струфа, мы пили бѣлые и красные вина, ни вкусомъ, ни крѣпостію не уступающія лучшему *Марсельскому и Ксантскому.* Милая

Француженка, жена Директора, совсѣмъ усердіемъ потчивала насъ кофеемъ и плодами и въ такомъ совершенномъ уединеніи спрашивала о модахъ. Напротивъ того я и въ столь короткое время почти забылъ о мірѣ и его суетахъ; но встрѣча съ женщиною убѣдила меня, что онѣ созданы для общества и модъ.

По недостатку съѣстныхъ припасовъ хотя день уже клонился къ вечеру, мы должны были ѣхать далѣе, и потому не успѣли осмотрѣть развалинъ замка, стоящаго на вершинѣ острой скалы. Каменный утесъ сей, есть удивительное произведеніе природы, оный прямо по отвѣсу возникаетъ со дня моря и представляетъ коническую громаду вышиною около 150 саженъ, только съ одной стороны приступную,

ибо тутъ видны уступы для всхода сдѣланныя. Рука времени пощадила одну башню и часть стѣны; за которыми гордые Генуезцы не могли сохранить своей свободы. На развалинахъ зданіи славнаго Судака цвѣтутъ сады и вмѣсто шума и суеты царствуетъ тишина и спокойствіе. По правую сторону сего утеса, есть другій превышающій всѣ прочіе близь его лежащія горы. Утесъ сей съ трехъ сторонъ окруженъ глубокими оврагами, а съ четвертой моремъ, и имѣетъ то отличіе, что вершина его украшена, толстыми плитами окаменѣлой глины торчмя къ верху стоящими. Горы простирающіяся вдоль морскаго берега, по большой части составляютъ крутые утесы, на коихъ взвороченные каменья, извѣстковаго и железнаго свойства,

доказываютъ, что онѣ произошли отъ землетрясенія.

Извѣстно по Исторіи, что Судакъ, при владычествѣ Генуезцовъ имѣлъ 100 тысячь жителей, и не взирая на процвѣтавшія тогда Кафу, Херсонесъ и Пантиканею, отправлялъ знатную торговлю; теперь же кромѣ остатковъ замка, города и слѣдовъ не видно, и кромѣ ста инвалидовъ, поселенныхъ въ бѣдныхъ хижинахъ, нѣтъ другихъ жителей.

Весною, когда обработываютъ землю, осенью при собираніи винограда и при отправленія вина, въ Судакъ приходятъ на время до 2000 работниковъ и промышленниковъ. Судакскій портъ открытъ Южнымъ вѣтрамъ, которые обыкновенно приносятъ тихую и ясную

погоду, западными же разводитъ большое волненіе; но какъ отъ другихъ вѣтровъ рейдъ закрытъ, то корабли могутъ находить на немъ хорошее убѣжище. Не смотря на сіе удобство къ сожалѣнію должно замѣтить, что Судакское вино вмѣсто того, чтобъ отправлять оное моремъ до Херсона, отпускается съ великими издержками сухимъ путемъ прямо въ Харьковъ.

Козы.

До деревни Козъ мы скакали не останавливаясь и 20 верстъ проѣхали въ часъ и 10 минутъ. Лошадь досталась мнѣ горячая и сильная, я насилу могъ удержать ее, что бы взглянуть на пріятное положеніе деревни Туклукъ, отъ которой раздѣленныя до сего горы вновь начинаютъ смыкаться, долины

очень хорошо обработаны; вездѣ встрѣчались пашни, сады и даже огороды. Съ Судака и нѣсколько далѣе примѣтно Европейское трудолюбіе; лучшія же мѣста Южнаго берега остаются во власти Азіатской лѣности.

Деревня расположена на не высокомъ каменистомъ холмѣ, домы построены разсѣянно и какъ попало. Хотя большая часть жителей переселились въ Турецкія владѣнія; (*) но Козы и теперь очень обширны.

(*) *По завоеваніи Крыма, дабы обезпечить сіе важное пріобрѣтеніе позволено было безпокойнымъ Татарамъ переселяться, и большая часть жителей, неизвѣстные о своей участи, безъ сожалѣнія оставили свое отечество.*

Жилища оставшихся здѣсь не многихъ Татаръ, и переведенныхъ изъ Маріуполя Грековъ, представляютъ разительное разнообразіе. Греческая церковь, стоящая между двухъ мечетей, (лучшее свидѣтельство вѣротерпѣнія въ Россіи) развалины древняго готическаго храма, и треснувшія стѣны оставленныхъ домовъ, пустыри, разбитые куски мраморовъ, служившихъ украшеніемъ упавшихъ зданіи, придаетъ деревни могильный видъ: подумать можно, что она недавно была взята и разорена непріятелемъ.

Козы въ древности назывались *Готія, Гозія;* нѣкоторые Историки по сему имяни полагаютъ, что здѣсь обитали Готы, единоплеменники Скифовъ. Послѣ нихъ, Козы принадлежали Грекамъ, потомъ Генуезцамъ, и наконецъ Татарамъ

Капчатской орды и Туркамъ. Козское вино почитается лучшимъ въ Крыму. Попеченіемъ Князя Потемкина насаждены здѣсь были Токайскіе лозы, и здѣшнѣе вино вкусомъ и крѣпостію очень похоже на Венгерское. Во всемъ Крыму, только въ Козахъ виноградники не поливаютъ, отъ чего вино гораздо гуще и слаще Судацкаго, и вдвое дороже онаго продается. Все количество его въ Крыму расходится.

Помѣщикъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, и узнавъ, что мы не обѣдали, спѣшилъ угостить насъ всѣмъ, что у него было. Началось чаемъ, кофеемъ, сластями, закусками, кончилось сытымъ ужиномъ, прекраснымъ домашнимъ виномъ и ликерами. Удовлетворя первому аппетиту, я сѣлъ на ступень крыльца, что бы насладиться прохладою

лѣтней ночи. Луна, сія свѣтлая лампада уединенныхъ часовъ, начинала освѣщать отдаленнѣйшій край неба. Черныя скалы покрытыя лѣсомъ, казались уже не столь мрачными. Звѣзды, по мѣрѣ возвышенія въ небесномъ сводѣ Царицы ночи, загорались одна за одною, и луна окруженная тихимъ зыблющимся сіяніемъ, медленно и величественно показалась надъ горами. Природа, казалось, гордилась ея появленіемъ, и растѣнія, оживотворенныя плодотворною росою упавшею крупными жемчужинами, наполнили воздухъ ощутительнымъ благовоніемъ.

Не желая быть въ тягость угостительному А. . . . половина изъ насъ пошли на ночлегъ въ другой домъ, гдѣ хотя и знали, что мы поужинали, но предложили тоже и

намЪ отЪ кофею и ароматическаго шербету никакЪ нельзя было отговориться. ДомЪ сей принадлежалЪ богатому Татарину, и былЪ убранЪ сЪ нѣкоторымЪ великолѣпіемЪ, напримѣрЪ: потолокЪ украшенЪ резбою, стѣны закрыты Орѣховаго и Мозжевелеваго дерева шкафами, каминЪ мраморной, дворЪ вымощенЪ плитою и вездѣ очень чисто.

Отузы.

Произшествіе, случившееся со мною вЪ КозахЪ, встревожило моихЪ спутниковЪ. Лошадь, отЪ того, что слишкомЪ туго была подтянута, лишЪ только сѣлЪ на нее, поднявшись на дыбы, бросилась бокомЪ на землю. Упавши вмѣстѣ сЪ нею, я успѣлЪ соскочить, и кЪ счастію, очень легко ушибся. 15 верстЪ до ОтузЪ дорога очень

пріятна, горы нестоль высокія, какія проѣзжали прежде, покрыты дремучимъ лѣсомъ, множество источниковъ журчатъ по скатамъ оныхъ. Въ безпрестанной тѣни любуясь новыми восхитительными видами, кои всякое горное мѣстоположеніе безконечно разнообразятъ, мы прибыли, какъ бы прогуливаясь въ Отузы.

Отузы на Турецкомъ языкѣ значитъ 30ть. Названіе сіе дано по той причинѣ, что волость состояла прежде изъ 30 селеніи; нынѣ же раздѣляется только на два, на Татарское и Греческое. Здѣшніи виноградъ отъ мѣстнаго положенія горъ, поросшихъ лѣсомъ и частыхъ отъ онаго бывающихъ тумановъ, даетъ дурное вино. Въ замѣну сего изъ дикихъ плодовъ, которыхъ здѣсь великое изобиліе,

гонятъ очень хорошую водку. Въ окрестностяхъ Отузъ и далѣе къ Феодосій, находятъ на глинистыхъ горахъ слюду, довольно бѣлую и чистую, но весьма шероховатую и ноздреватую. Переменя лошадей мы поѣхали далѣе.

Коктибель.

Дорога до Коктибеля на разстояніи 10 верстъ идетъ долиною, съ правой и лѣвой руки огражденною высокими горами. У Коктибеля Карадагомъ (черная гора), кончается Южный берегъ. Карадагъ по высотѣ своей почитается третьею въ Крыму, имѣетъ острую вершину и очень походитъ на башню, на краю Южнаго берега поставленною. За нею далѣе къ Ѳеодосіи, цѣпь горъ прерывается и представляется возвышенная равнина

только двумя горами и то очень пологими пересѣченная. Деревня Коктибель, состоящая изъ нѣсколькихъ дворовъ, замѣчательна тѣмъ, что въ домѣ Г. Т. живетъ Султанша изъ роду Гиреевъ, родственница послѣдняго Крымскаго Хана и сестра жены Г. . Т. . . . . который не могъ упросить ее, чтобы она позволила намъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Въ дачѣ Г. Т. . . замѣчанія достоинъ, природою устроенный гротъ. Оный образуется сблизившимися крутыми скалами, съ вершинъ которыхъ свѣшиваются огромныя деревья; бока скалъ поросли различными кустарниками, мѣстами мхомъ и плющемъ. Предъ входомъ стоитъ древняя часовня съ круглымъ куполомъ, а внутри грота изъ разсѣлины вытекаетъ обильный ключь. Жаль, что такой гротъ оставленъ

безъ присмотра, а съ малымъ трудомъ можно бы было сдѣлать оный въ продолженіи лѣтнихъ жаровъ, самымъ пріятнымъ мѣстомъ для отдыхновенія.

Феодосія.

Отъ Коктибеля горы начинаютъ понижатся и возвышенная равнина представляетъ обширныя поля и луга. Не далеко отъ берега видны на море три камня, изъ которыхъ одинъ очень походитъ на корабль идущій подъ парусами.

Для сокращенія дороги, мы поѣхали прямо на горы; взошедши на вершину оныхъ, вдругъ неожиданно открылось море и Феодосія окруженная полуразвалившимися стѣнами. Послѣ тряской верховой ѣзды и худыхъ ночлеговъ, я не столько

радовался пріятнымъ положеніемъ города, сколько думалъ о покоѣ и удовольствіи занятіся расмотрѣніемъ достопамятныхъ его древностей.

Феодосія, лежащая при подошвѣ горъ на берегу пространнаго залива, могущаго принять до 200 кораблей, окруженная плодоносными полями представляетъ все удобности для большаго торговаго города. Но сей городъ процвѣтавшій въ продолженій нѣсколькихъ вѣковъ и бывшій по свидетельству Страбона и Саллюстія средоточіемъ всемирной торговли: тотъ городъ для украшенія коего пышные Генуезцы не щадили своихъ богатствъ, нынѣ являетъ печальную картину разрушеній. Драгоцѣнныя Мраморы, порфиръ и камни съ Гербами Вельможъ Генуезкихъ задѣланы въ стѣны

ничтожныхъ домовъ Арменъ и Татаръ. Феодосія не представляетъ и малѣйшихъ слѣдовъ великолѣпія, развалины древней Кефы уже болѣе не существуютъ, новый городъ по плану строемый мало по малу истребляетъ остатки стараго и уже кучи камней не заграждаютъ улицы. Крѣпостной ровъ, служившіи сколько къ защитѣ города, столько же и для отвода стекавшей съ горъ воды въ морѣ, къ сожаленію засыпался отъ упавшихъ стѣнъ, отъ чего при всякомъ большемъ дождѣ, портитъ фонтаны и наводняетъ улицы.

Набережная и одна улица, имѣютъ весьма пріятный видъ. Смѣсь Азіатской Архитектуры съ Европейскою, представляетъ нѣчто необыкновенное, нравящееся взору. Новыя казармы, могутъ почестъся

хорошимъ зданіемъ. Феодосійскій карантинъ есть лучшій на Черномъ морѣ, какъ раздѣленіемъ, такъ и мѣстоположеніемъ; но еще не конченъ постройкою всѣхъ нужныхъ зданій. При расположеніи чумнаго квартала, Архитекторъ, конечно проникнутъ былъ бѣдствіями отъ чумы происходящими и конечно имѣлъ планы лучшихъ въ Европѣ Ливорнскаго и Тріестскаго карантиновъ.

Изъ остатковъ древнихъ зданій уцѣлѣвшихъ въ Феодосіи, заслуживаетъ вниманіе большая баня. Хотя сіе построеніе относится къ Татарской эпохѣ, взоръ удивленъ смѣлостію куполовъ висящихъ надъ обширными отдѣленіями разныхъ комнатъ. Подлѣ бани находится въ половину разобранная огромная Турецкая мечеть перестроенная изъ

Греческой церкви, которая теперь опять обращается въ Соборную Церковь. Къ сожаленію городскіе стѣны и прочія зданія Генуезскаго построенія всѣ разобраны, какъ препятствовавшіе новому плану города; но всѣ любопытные камни, барельефы и мраморы съ надписями Греческими и Генуезскими, сохраняются въ особенно учрежденномъ для сего предмѣта Музеумѣ, заключающемъ сверхъ того древнія медали, обломки статуи, вазовъ, лампъ, и двѣ большія глиняныя амфоры (*), найденныя въ 1812 году при копаніи фундамента. Въ числѣ медалей есть Греческія, Римскія, и Босфорскія: золотая медаль Лизимаха, и серебренная Александра

(*) *Сосуды употреблявшіеся для жидкостей.*

Великаго отличаются прекраснымъ своимъ штемпелемъ. Изъ надписей прочитанныхъ и переведенныхъ, любопытна слѣдующая писанная на Еллино-Греческомъ языкѣ на мраморномъ пьедесталѣ: *Ксенокрита, Жрица Цереры, посвящаетъ сіе Богинѣ, за здравіе дочери ея Димитріи.* На пьедестали видѣнъ глубокій отпечатокъ ноги гдѣ стояла статуя, которой не могли отыскать. Всѣ прочія, кромѣ Генуезскихъ, еще не разобраны въ точности и не переведены.

Окрестности Феодосіи, примѣтно оживляются: городская земля, по участкамъ во 100 десятинахъ состоящихъ, раздается безъ платы, съ условіемъ въ продолженіи пяти лѣтъ насадить садъ или учредить какое другое заведеніе. Многіе помѣщики перевели изъ Россіи крестьянъ, и

теперь ежегодно являются новыя переселенцы и строятся новыя деревни, запустѣлыя поля и сады уже обработаны и даютъ значительныя доходы трудящимся. Близость торговаго города отвѣчаетъ имъ и впредъ за прибыльную продажу всякаго рода произведеній.

На берегу Чернаго моря, въ верстѣ отъ заставы, гдѣ нѣкогда возвышался Ханскій дворецъ и огромный Монетный дворъ, гдѣ построены были батареи принудившія городъ въ первый разъ покорится Россійскому оружію, стоитъ скромный домикъ Феодосійскаго Градоначальника. Съ крыльца сего мирнаго убѣжища, заливъ покрытый купеческими судами и городъ съ прелестными своими окрестностями представляются съ наилучшей ихъ стороны. Выборъ сего мѣста

показываетъ вкусъ хозяина и любовь его къ прирорѣ и наслажденіямъ сельской уединенной жизни. Англинской садъ, насажденный не болѣе какъ на пяти или шести десятинахъ, представляетъ образецъ вкуса и искуства. Въ немъ собраны всѣ крымскія произрастенія и нѣжныя плодоносныя дерева улучшены прививками иностранныхъ деревъ, выписанныхъ изъ Анатолій, Архипелага и съ острововъ находящихся на Средиземномъ морѣ: словомъ въ семъ саду богатая Крымская флора, является въ полномъ своемъ блескѣ. Садъ сей не столько иждивенія, сколько трудовъ и знанія стоившій, почитается лучшимъ въ Крыму. Превосходное расположеніе, прекрасное вино и вкусныя плоды, доставили ему сіе справедливое предпочтеніе.

Начало построенія Феодосіи теряется въ мракѣ неизвѣстности. Его приписываютъ Милетскимъ Грекамъ, учредившимъ многія посѣленія на берегахъ Чернаго моря. За 250 лѣтъ до Р: Х: сей городъ находился подъ властію Босфорскаго Царя Левкона, какъ о томъ упоминаетъ Демосфенъ въ рѣчи своей, предлагая Афинянамъ воздвигнуть Статую Царю Левкону въ благодарность за то, что онъ во время бывшаго въ Афинахъ голода, позволилъ вывесть три ста тысячь мѣръ пшеницы изъ порта своего *Феодосіи.*

Феодосія раздѣляла участь Тавриды, переходившей подъ власть разныхъ народовъ ею обладавшихъ, отъ Римлянъ до Татаръ. Въ концѣ 13го Столѣтія Генуезцы избрали Феодосію, подъ названіемъ *Кафы,*

главнымъ мѣстомъ своихъ поселеніи и производили отъ туда знатную торговлю съ Европою и Азіею. Въ 1475 году Султанъ Магометъ II. взялъ Кафу, выгналъ Генуезцовъ и истребилъ все ихъ бывшіе въ ней заведенія. Однако и во время владычества Турокъ и Татаръ населеніе Кафы простиралось до ста тысячь жителей разныхъ націй, большею частію Армянъ и Грековъ занимавшихся торговою промышленностію. Князь Долгорукій-Крымскій взявъ Кафу въ 1771 году, перевелъ Армянъ въ Нахичеванъ, а Грековъ въ Маріуполь. Послѣ присоединенія Тавриды къ Россійской Имперіи, сей знамѣнитый въ древности, многолюдный и богатый городъ, оставленъ былъ въ совершенномъ забвеній, и хотя наконецъ въ 1804 году онъ возобновленъ, подъ прежнимъ названіемъ Феодосіи,

и въ немъ учреждено особенное Градоначальство, по примѣру Одесскаго и Таганрогскаго; но слѣды покоренія его остались еще большею частію не исправленными. Жителей считается нынѣ не болѣе 5000.

Феодосійскій заливъ, составляетъ одну изъ лучшихъ, кромѣ Севастополя, нашихъ гаваней на Черномъ морѣ. Посредственная глубина на Рейдѣ, хорошій грунтъ, дѣлаютъ портъ сей весьма удобнымъ во всякое время года убѣжащемъ, и хотя городъ торгуетъ съ Анатоліею и съ Средиземнымъ моремъ, а въ торговомъ оборотѣ обращается до пяти милліоновъ рублей, но по неимѣнію большаго числа капиталистовъ, заграничный торгъ весьма незначителенъ. До сего времени, сколько о томъ не

старались, въ Феодоссій нѣтъ ни одного Рускаго имянитнаго Купца, который бы могъ поддержать торговлю, а тѣ изъ нихъ кои занимаются мѣлочною продажею, только вредятъ другъ другу и отъ того весьма часто шкипера иностранныхъ кораблей не могши сбыть и часть своего груза возвращаются въ другіе порты. Феодосійскій портъ имѣетъ предъ другими и ту выгоду, что оный зимою не замерзаетъ и обширный входъ его не стѣсненъ ни отмѣлями, ни подводными каменьями.

Соль, составляетъ нынѣ главный предметъ отпускныхъ товаровъ иногда же отправляется пшеница въ большемъ количествѣ. Рыбная промышленность, представляющая богатый источникъ для торговли въ совершенномъ упадкѣ,

кромѣ продовольствія жителей, оной никуда не отправляется. Устрицъ же продается тысячь на десять рублей. По окончаніи навигаціи въ Азовскомъ море, доставляемые изъ Таганрога Россійскіе товары, какъ то: железо, сало, кожи, канаты и проч. отпускаются изъ Феодосіи до открытія весенней навигаціи въ значительномъ количествѣ, но оные не приносятъ пользы городу, ибо принадлежатъ Таганрогскимъ купцамъ, которые понепонятному предубѣжденію не хотятъ поселиться и основать своихъ канторъ въ Феодосіи.

Севастополь.

Взглянувъ мимоходомъ на Карасубазаръ, Семферополь и Бакчисарай, я ничего не могу сказать тебѣ, любезный другъ о сихъ городахъ,

какъ только то, что въ нихъ былъ, прибывъ же на мѣсто, заключу обозрѣніе Южнаго берега краткимъ извлеченіемъ изъ Физическаго Описанія, дабы общими замѣчаніями и такими мыслями, кои раждаются уже послѣ осмотрѣнія какихъ либо предметовъ, занимавшихъ наше вниманіе по другимъ отношеніямъ, показать читателю сколь изобиленъ Южный берегъ Крыма природными произведеніями.

Начиная отъ рѣкъ Салгира и Булганака къ Югу, ровныя долины Тавриды примѣтнымъ образомъ возвышаются; гористая же часть находится посреди полуострова и имѣетъ три цѣпи горъ, одна за другою лежащія. Первая идетъ отъ Карасубазара чрезъ Бакчисарай и оканчивается у устья Альмы. Средняя часть горъ, начиная отъ ста-

раго Крыма идетъ по тому же направленію и оканчивается у Севастополя. Послѣдняя, въ видѣ полукруга обращеннаго на полдень, идетъ отъ Балаклавы и простираясь вдоль морскаго берега на разстояніи 250 верстъ, составляетъ хребетъ высокихъ горъ, который будучи подобенъ крѣпостной стѣнѣ, украшается горами Аіею, Чатырдагомъ и Карадагомъ, изъ коихъ первая и послѣдняя составляютъ какъ бы крайніе бастіоны сего укрѣпленія.

Горы, простирающіяся въ высоту болѣе нежели на тысячу саженъ вдоль всего Южнаго берега, при которомъ море чрезвычайно глубоко, стоятъ почти прямыми утесами: напротивъ сего къ Сѣверу сперва постепенно, а наконецъ не чувствительно низпускаются, и превращаяся въ отлогіе скаты

теряются въ великой ровнинѣ, (между Перекопомъ и Семферополемъ) находящейся нѣсколько выше морской поверхности. Высокій хребетъ приморскихъ утесовъ, состоитъ изъ безчисленныхъ слоевъ, лежащихъ одинъ на другомъ, нѣсколько наклоненныхъ къ Юго-Востоку и какъ бы обрѣзанныхъ направленіемъ берега, подобно какъ въ книгѣ листы.

Приморскіе горы, вообще состоятъ изъ твердаго известковаго камня, глинистаго стланца, отвердѣлаго щебневаго и гнилаго трапа, смѣшаннаго съ хрящемъ, голышами и превратившихся въ известь раковинъ находящихся въ черномъ морѣ, что заставляетъ думать, что онѣ нѣкогда покрыты были моремъ, котораго поверхность была гораздо выше, чему повсюду

находятся неоспоримые признаки; другіе же показываютъ, что онѣ произошли отъ огнедыщущихъ изверженій. Въ поясахъ глинянаго стланца, удобно увлекаемаго водами, вездѣ вымыты лощины и ямины; здѣсь то навислыя и содвинувшіяся впередъ со своихъ основаній скалы, приводятъ въ трепетъ проходящаго; известковой же камень и трапъ составляютъ круглообразныя горы, представляющіяся въ видѣ длинныхъ гребней, усѣянныхъ стоячими кабанами. Во всѣхъ сихъ родахъ камней, нѣтъ ни малаго признака Металлическихъ жилъ, и никакаго слѣда рудъ, изключая железной и нѣсколько охрусталованныхъ колчедановъ.

Сердце Южныхъ горъ поднято выше моря на 100 осаженъ чрезвычайною какою нибудь силою, дѣй-

ствовавшею въ величайшей глубинѣ, или море по какой либо причинѣ на столько же опустилось, что не вѣроятно; посему Таврическую область можно почесть грудою разсѣвшихся слоевъ, которыхъ Южная сторона представляетъ самыя высокія горы, а сѣверныя нечувствительно опускаются ближе къ горизонтальному положенію, и наконецъ теряются въ степной ровнинѣ.

Между послѣднею цѣпью горъ и моремъ заключается Южный берегъ Крыма, самая лучшая и плодоноснѣйшая полоса изъ всего полуострова. Въ рѣдкихъ полуденныхъ странахъ Европы можно найти столь богатую природу. Пріятнѣйшія и разнообразныя мѣстоположенія, тучная земля, дающая изобильныя жатвы, луга изпещренные

такими цвѣтами, какіе у насЪ какЪ рѣдкость воспитываются вЪ оранжереяхЪ, корабельный лѣсЪ, сады сЪ нѣжнѣйшими плодоносными деревьями, и безчисленное множество ключей и ручейковЪ изЪ горЪ вытекающихЪ и отводными каналами для поливки по всюду проведенныхЪ, составляютЪ такія совершенства, которыя очаровываютЪ взорЪ и вмѣстѣ предлагаютЪ всѣ выгоды вЪ жизни. КЪ сожаленію должно сказать, что малое число жителей, населяющихЪ сіи Армидины сады, едвали тысящною частію произведеніи ихЪ пользуются: плоды, коими Италія и Греческіе острова могли бы похвалиться, большею частію остаются безЪ употребленія и согниваютЪ на древахЪ.

Чрезвычайное плодородіе сей

горной полосы, приписать слѣдуетъ безчисленнымъ родникамъ въ недрахъ земли сокрытымъ, отъ коихъ происходящая влажность замѣняетъ всѣ другія недостающія ей качества. Самыя вершины горъ покрыты тучною землею, произрастающею кормовыя сочныя травы и строевой лѣсъ. Подошва хребта сего выходитъ къ морю крутымъ, мѣстами весьма высокимъ берегомъ и состоитъ изъ глинистаго грунта. Стремительное паденіе водъ, произвело глубокіе овраги, землетрясеніемъ же и наводненіями наполнило оныя большими каменьями, коими и море близъ берега усѣяно. На семъ узкомъ пространствѣ заключенномъ между горами и моремъ, кромѣ множества ручьевъ, протекаютъ двѣ нарочитыя рѣчки Акаръ-Су и Балла-Су. На послѣдней построены три мельницы, къ

одной изъ коихъ отведена вода каналомъ тремя саженями выше горизонта протчей ея воды. Теченіе сихъ рѣкъ отъ Истока до Устья не болѣе 5 или 6 верстъ.

Въ разсужденій климата, Южный берегъ Тавриды одаренъ природою всѣми лучшими свойствами: ибо кромѣ дикорастущихъ, однимъ Южнымъ краямъ свойственныхъ деревъ и травъ, самыя нѣжнѣйшія плоды, кои въ другихъ, хотя также умѣренныхъ странахъ, требуютъ зимою защиты и не малаго присмотра, созрѣваютъ здѣсь въ садахъ и лѣсахъ безъ всякаго старанія и призрѣнія.

На южномъ берегу двѣ трети года продолжается лѣто, природа употребляетъ для отдыха не болѣе трехъ мѣсяцовъ, а въ иныхъ годахъ

еще менѣе. Весна начинается съ Февраля мѣсяца, большія жары продолжаются отъ Маія до Сентября, однакоже перемѣнныя легкія вѣтры отъ десяти часовъ утра до шести часовъ вечера вѣющія, дѣлаютъ ихъ сносными. Дожди въ сіе время рѣдко случаются, ибо морскіе вѣтры разбиваютъ собирающіеся тучи на горахъ и прогоняютъ ихъ далѣе къ Сѣверу; отъ чего часто бываетъ, что на одной сторонѣ хребта идетъ сильный дождь, а на Южномъ берегу въ тоже время ясная погода, и самой большой зной продолжается.

Сентябрь и Октябрь составляютъ обыкновенно лучшее время года: умѣренная теплота воздуха, и пріятная погода непрерывается до половины Ноября. Въ Декабрѣ наступаетъ осень сопровождаемая

сильными дождями и бурями. Снѣгъ падаетъ только на вершины горъ, стужа отъ 3 до 5 градусовъ никогда сряду трехъ дней не продолжается. Воздухъ умѣряется здѣсь парами изсходящими изъ моря. Въ Генварѣ снова начинаются пріятныя теплыя дни. 1813 года въ день Крещенія я обѣдалъ въ саду, близъ Феодосій, и провелъ весь день на открытомъ воздухѣ въ одномъ мундирѣ.

Во всемъ крыму постоянно дуютъ Сѣверныя и Сѣверо-Восточныя вѣтры, зимою наносятъ они снѣгъ и стужу, Весною и Осенью мрачную погоду, а лѣтомъ прохлаждаютъ и очищаютъ воздухъ, почему ихъ за особливый даръ природы почесть должно. Протчіе вѣтры въ силѣ и направленіи часто перемѣняются. Лѣтомъ при сухой

погодѣ и мрачномъ небѣ, иногда дуютъ теплыя Юго-Восточныя вѣтры, извѣстныя въ Италіи подъ названіемъ *Сироко*, а въ Азіи подъ именемъ *Самуна*, но они протекая чрезъ всю ширину Средиземнаго и Чернаго морей, теряютъ свой качества и никакихъ вредныхъ слѣдствій здоровью человѣческому непроизводятъ.

По свойствамъ Таврическаго воздуха, а наипаче по выгодному и пріятному мѣстоположенію, изобилію прекрасной воды, Южный берегъ посправедливости можно назвать благословенною и здоровѣйшею страною.

Ведя воздержную жизнь, и всегда позахожденій солнца надѣвая шубу, татара никогда неподвержены извѣстной у насъ крымской

лихорадки. Болезнь сія, равно какъ горячки и крововыя поносы, отъ излишняго употребленія неспѣлыхъ плодовъ происходящія, случаются только съ рускими, особенно съ рекрутами. Впрочемъ кто возметъ надлежащую осторожность отъ простуды, тотъ легко можетъ избѣжать и сіи болезни. Моровая язва, никогда незараждалась въ крыму, сей бичь человѣческаго рода всегда привозится изъ Константинополя и Анатолій.

Таврическія растѣнія большею частію одинакаго рода съ находящимися въ прочихъ Южныхъ краяхъ Европы; на Южномъ же берегу попадаются, одной только Азіи свойственныя, наиболѣе изъ тѣхъ, кои растутъ въ Анатоліи. Равнымъ образомъ смѣшаны съ оными

въ иныхъ мѣстахъ и нѣкоторыя обыкновенно въ сѣверныхъ только странахъ растущія; на вершинахъ же высочайшихъ горъ встрѣчаются и Алпійскія прозябенія.

Деревья большею частію изъ Турцій перевезенныя, разсажены въ садахъ безъ всякаго порядка; и отъ того они походятъ болѣе на плодоносныя лѣса, нежели на сады устроенные руками человѣческими. Лѣсныя деревья растутъ также безъ разбора вмѣстѣ съ плодоносными, и составляютъ весьма пріятную смѣсь. Не смотря на то, что за садами не прилагаютъ труда и старанія, и никогда Татара не очищаютъ и не прививаютъ деревья, они приносятъ вкусныя и нѣжныя плоды.

Хотя Таврическій полуостровъ

весьма изобиленъ въ Царствѣ растѣній, но оное могло бы еще гораздо болѣе умножится, если бы изъ Никитскаго сада, заимствовали привитыя улучшенныя изъ одичавшихъ деревьевъ. Нѣтъ нужды исчислять всѣ роды оныхъ, довольно будетъ означить тѣ изъ нихъ, которыя покажутъ читателю о удивительномъ плодородіи Южнаго берега.

1. *Виноградъ*, растущій въ крайнемъ небреженіи и обыкновенно стелющійся по землѣ или вьющійся по деревьямъ заслуживаетъ примѣчаніе по отмѣнной своей величинѣ и вкусу. Въ семъ дикомъ состояніи его считается 15 родовъ.

2. *Черешня*, двухъ родовъ красная и желтая, лучшая ростетъ въ Юскутѣ.

3. *Абрикосы.*

4. *Сливы*, лучшіе родятся по рѣкѣ Кабартѣ и около Бакчисарая.

5. *Груши*, лучшіе изъ нихъ называемыя Татарами Бусдурманъ-Армудъ, очень велики, и вкусны.

6. *Яблоки*, Синопскіе у насъ извѣстныя подъ именемъ крымскихъ, ростутъ по всюду, а лучшія по рѣкамъ Качѣ и Альмѣ.

7. *Шелковица*, бѣлая и черная, Татара не размножаютъ оной для шелководства, почему только ягоды ея употребляются въ пищу.

8. *Воложскіе и Грецкіе орѣхи*, послѣднія предпочитаются Архипелажскимъ.

9. *Персики*, лучшія поподаются около Гурсуфа и Судака, растутъ

въ лѣсахъ безъ призора, отъ чего очень мѣлки, но вкусомъ сходствуютъ съ садовыми.

10. *Миндаль*, орѣхи хотя не велики, но покрыты столь тонкою скорлупою, что ихъ пальцами ломать можно, а ядро весьма вкусное и сладкое. Лучшій родъ онаго перевезенъ изъ Персіи.

11. *Смоквы или винныя ягоды*, лучшія находятся въ садахъ между Балаклавою и Ялтою, а впрочемъ произрастаютъ онѣ съ равнымъ успѣхомъ во всѣмъ Крыму.

12. *Айва или Квитенъ*, (Pyrus Cydonia) ростетъ почти во всѣхъ садахъ и дикая по горамъ, поспѣваетъ въ Сентябрѣ. Ароматическіе плоды сіи варятъ въ сахарѣ, употребляютъ въ кушанье и дѣлаютъ наливки.

13. *Крымская Рябина*, (Sorbus Ancuparia), продолговатые плоды коей походятъ на небольшiе груши. Растетъ повсюду дикая въ лѣсахъ и садахъ и прежде нежели въ ѣду употребляется, даютъ ей полежать нѣсколько дней; послѣ чего дѣлается и мягче и вкуснѣе.

14. *Гранаты*, ростутъ только на Южномъ берегу, перевезены изъ Анатолiй и всѣ одичали, отъ чего мѣлки и кислы. Плодъ сей сверхъ обыкновеннаго употребленiя въ ѣду вмѣсто барбариса или Кизила (*), идетъ въ Аптекарскiй припасъ, а въ Персiи употребляется для черненiя кожъ.

15. *Маслина*, ростетъ вдоль

(*) *Изъ кизила гонятъ прекрасную водку, на манеръ французской.*

берега Чернаго моря отъ Балаклавы до Ламбата. Деревья сіи оставленныя на попеченіе одной природѣ бываютъ толщиною до полуаршина въ діаметрѣ; но плоды приносятъ мѣлкіе, размноженіе сихъ деревъ весьма удобно: около каждаго корня выходитъ много молодыхъ отраслей, кои будучи разсажены успѣваютъ наилучшимъ образомъ; но къ сожаленію Татара и сего недѣлаютъ.

16. *Курма или дикіе финикъ* (Dispiros lotus), въ разсужденіи величины можетъ почесться въ числѣ самыхъ большихъ деревъ и только однимъ жаркимъ странамъ свойственно. Оно весьма красиво и въ Іюнѣ покрывается бѣловатыми цвѣтами: плодъ его, величиною съ вишню, съ пятью въ срединѣ косточками имѣетъ кисловато-

сладкій вяжущій вкусъ, мало употребляется Татарами въ пищу, они даже не знаютъ откуда дерево сіе къ нимъ привезено. Въ Америкѣ дѣлаютъ изъ него постилу и гонятъ водку.

17. *Каркасъ* (Celtis orientalis), ягоды симъ имянемъ называемыя висятъ на длинныхъ стебляхъ, содержатъ внутри косточку, сначала желты, а потомъ бурѣютъ. Вкусъ ихъ сладокъ и нѣсколько ѣдокъ, листья употребляются въ лекарство какъ вяжущее средство.

18. *Месппли* или *Мушмула*, ростетъ повсюду во множествѣ въ садахъ, и дикая въ лѣсахъ на Южномъ берегу. Плодъ величиною съ грецкой орѣхъ, поспѣваетъ въ глубокую осень; вкусомъ походитъ на замороженыя яблоки, имъ даютъ

нѣсколько времени полежать а безъ того они весьма тверды и кислы.

Изъ деревъ служащихъ для украшенія садовъ, заслуживаютъ особенное примѣчаніе: 1. *Раины*, или Италіанская Осокорь, ростетъ на влажныхъ мѣстахъ, сучья и вѣтьви стоящія прямо къ верху даютъ ей видъ пирамиды.

2. *Вавилонская Ива*, вѣтьви его столь тонки и гибки, что висятъ всѣ къ низу до самой почти земли, отъ чего дерево сіе, одѣтое продолговатыми, зубчатыми, свѣтлозелеными листьями, имѣетъ особенно красивый видъ.

3. *Скипидарное дерево* или *дикіе фисташки* (Pistacia terebinthus), полезныя качества сего дерева неизвѣстны жителямъ, они считаютъ

его наровнѣ съ прочими лѣсными деревьями. Женскаго роду деревья приносятъ плоды, величиною въ лѣсной орѣхъ, покрытой тонкою голубаго цвѣта кожею. Ядро похоже вкусомъ на фисташковое. При наступленіи большихъ жаровъ все оное дерево наполняется жидкою смолистою матеріею, въ Аптекахъ называемою *Кипрскимъ скипидаромъ*, запахомъ походящій на Мекскій бальзамъ, который почитается въ числѣ лучшихъ врачебныхъ средствъ. На Островѣ Хіо собираютъ скипидаръ слѣдующимъ образомъ: надрубаютъ дерево отъ корня до сучьевъ; и изъ сихъ насѣчекъ онъ вытекаетъ на положенныя вокругъ каменья, съ коихъ снимаютъ его палочками въ сосуды. Матерію сію привозятъ въ Европу въ столь маломъ количествѣ, что рѣдко гдѣ оную найти можно, и трудно

купить чистой скипидаръ не смѣшанный съ Венеціанскимъ, который съ Лиственницы собирается. Если привить къ сему дереву, настоящіе фисташки, кои съ нимъ одного рода, то оно улучшится и дастъ болѣе скипидару. Мастичное дерево, имѣющее одинаковое свойство съ скипидарнымъ, безъ сомнѣнія безъ труда можетъ быть разведено на Южномъ берегу.

4. *Лавровое дерево*, произрастаетъ само собою на каминистой почвѣ близъ деревень Алупки и Мутсихора. Оно одинакова рода съ растущимъ въ Южной Европѣ, и не смотря что объ немъ ни мало не пекутся, приноситъ ежегодно плодъ. Кромѣ извѣстнаго употребленія листовъ его, изъ ягодъ дѣлаютъ въ Аптекахъ бобковое масло.

Цвѣты, которые разводятъ у насъ въ оранжереяхъ съ великимъ стараніемъ, ростутъ въ Крыму на воздухѣ безъ всякаго призору; впрочемъ они и у насъ довольно обыкновенны, и потому не требуютъ описанія, а достаточно будетъ показать лучшія породы оныхъ.

1. Желтоцвѣтной Розанъ; 2. Ясминъ; 3. Амарантъ; 4. Бальзаминъ; 4. Ялапной цвѣтъ; 5. Лилей; 6. Лакная трава, и въ Европѣ считается между рѣдкими растѣніями. Оно природою изъ Америки, стебель его высокой, толстой и красноватой, цвѣты выходятъ на концѣ стебля стоящими къ верху кистями, бѣловаты и мѣлки. Красныя ягоды его, густымъ сокомъ карминнаго цвѣта наполненныя, походятъ на смолу *Гумилакка* называемую. Ими можно красить

матеріи, а въ лекарство употребляютъ какъ слабительное средство.

Изъ 26 родовъ огородныхъ овощей заслуживаютъ особенное вниманіе: 1. *Бѣлая капуста* Бакчисарайская, вѣсомъ бывающая близь пуда; 2. *Падиджаны* или Армянскіе огурцы; 3. *Любовныя яблоки*; 4. *Стручковой перецъ*; 5. длинныя *Турецкія огурцы*; 6. *Тыквы* четырехъ родовъ; 7. отмѣнно вкусныя *дыни* трехъ родовъ; и 8. *Арбузы* бѣлые и красные очень сладкіе, но не столь большіе и сочные какъ Астраханскіе, что происходитъ отъ свойства тучной земли къ которой нужно бы примѣшивать песокъ.

Различныя породы деревъ и кустовъ, составляющихъ лѣса Таврическіе, одни употребляются

настроеніе и подѣлки, другія плодоносныя и для украшенія садовъ пригодныя. Изчислимъ тѣ изъ нихъ, которыя у насъ неизвѣстны.

1. *Букъ*; 2. *Гробина* или бѣлый букъ; 3. *Приморская сосна*, походитъ на кедръ съ наклоненными внизъ вѣтвями, на концахъ которыхъ выходятъ долгія иглы пучками. 4. *Кедровой можевельникъ* употребляется въ столярную работу и по выдѣлкѣ подходитъ цвѣтомъ къ свѣтло-красному; 5. *Тиссъ* или негніючее дерево (Taxus baccata); 6. *Красильное дерево* (Rhus cotinus) Татаре листы его употребляютъ на выдѣлку желтыхъ сафьяновъ; 7. *Дикой перецъ*; 8. *Пузырное дерево*, походитъ на Сибирскую акацію, только стручья его, въ которомъ сокрыты гороховыя сѣмена, подобны пузырю; 9. *Гребенщикъ*

(Tamarix gallica); 10. *Кожевное дерево* (Rhus coriaria), вѣтьви его употребляются для выдѣлки кожъ, а листы, цвѣты и ягоды пригодны первые въ аптеки, а послѣднія для кушанья.

11. *Каперсы,* произрастаютъ на глинистыхъ безплодныхъ горахъ около Феодосіи, Судака, Гурсуфа и Ламбата. Кусты сіи стелются по землѣ длинными вѣтвями. Нераспущенныя цвѣточныя головки составляютъ такъ называемые Каперсы, кои чѣмъ меньше величиною, тѣмъ тверже и лучше бываютъ, ихъ обыкновенно собираютъ въ концѣ Іюня.

12. *Трагантной Астраганъ* (Astragalus tragacantha), ростетъ на глинистыхъ флецахъ, въ окрестностяхъ Судака. Изъ корня куста

сего вытекаетъ въ Іюнѣ месяцѣ жидкая камедь, которая на воздухѣ толстыми нитками засыхаетъ, и подъ имянемъ: Gomme Adraganthe употребляется въ Аптекахъ, на шелковыхъ фабрикахъ и въ миніатюрной живописи.

Въ числѣ дикорастущихъ травяныхъ растѣній, находятся такія кои у насъ еще не извѣстны: однихъ лекарственныхъ растѣній считается 95 рода, пригодныхъ на разныя экономическія потребы 17 родовъ, между коими замѣчанія достойны: 1. *Желтая трава*, 2. *Маріона* или настоящій крапъ, и 3. *Солянка* способная для дѣланія лучшаго поташа. Число служащихъ для любопытства ботаникамъ простирается до 214 родовъ, а полевыхъ цвѣтовъ 45 сортовъ.

Изъ дикихъ четвероногихъ животныхъ, на Южныхъ горахъ болѣе обыкновенны: *Зайцы*, *дикіе козы*, *Лисицы* и *Куницы*. *Медвѣдей* совсѣмъ нѣтъ, *Волки* рѣдки, а *Олени* водящіеся въ лѣсахъ на Чатырдагѣ, еще рѣже. Изъ морскихъ животныхъ около Севастополя иногда попадаются *Тюлени*, *Морскія же свиньи*, во множествѣ находятся въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Изъ дикихъ птицъ на Южномъ берегу замѣчанія достоинъ чрезмѣрной величины *Горный Орелъ*. *Соловьи* и другіе питающіяся насѣкомыми птицы, рѣдко вьютъ здѣсь гнѣзда, питающихся же зернами птицъ весьма мало. Во время только перелѣта Весною и Осенью собираются сюда великими стадами всякаго рода птицы. Изъ водяныхъ

же водятся только *рыболовы*, *бакланы* и *утки*.

Въ весьма быстрыхъ, каменистыхъ рѣкахъ Южнаго берега, кромѣ *форелей*, небольшихъ *усачей* и *сняшковъ*, мало водится другихъ рыбъ; море же изобилуетъ различными оной родами, изъ которыхъ самыя многочисленныя суть: *Кефаль*, *Макерель*, *Сельдь* и *морскіе бычки*. Сіи рыбы обошедши вокругъ Черное море, уходятъ обратно въ Средиземное лишнее. Въ Севастополѣ попадаются *Лососи*, а въ Феодосію и Балаклаву приходятъ иногда въ великомъ множествѣ *Анчоусы*. Татаре не рачатъ о ловлѣ рыбы, и рѣдко оную въ пищу употребляютъ.

На изобильныхъ раковинами берегахъ Чернаго моря, ловятся различные роды круглыхъ и мѣлкихъ

хорошаго вкуса морскихъ раковъ; также отмѣннаго вкуса не большія каменныя устерсы. Въ большихъ мушеляхъ ловящихся въ Феодосійскомъ заливѣ, попадаются иногда, не большія жемчужныя зерна лучшей доброты.

Изъ числа обыкновенныхъ насѣкомыхъ, вредныя *Сороконожки*, и *Тарантулы*, здѣсь гораздо рѣже, нежели на ровнинахъ. Между развалинами скалъ находятъ въ великомъ числѣ *Скорпіоновъ* малаго роду, и нѣкоторый родъ *жуковъ*, бросающихъ отъ себя столь ѣдкую жидкость, что ежели она попадетъ въ глаза, то лишаетъ на нѣсколько дней зрѣнія. Таврическая область щастлива тѣмъ, что въ ней нѣтъ комаровъ, кромѣ едва примѣтнаго глазу рода Баннатской мошки,

водящагося около Инкерманскихъ болотъ.

Горскія Татарскія лошади для употребленія въ легкой конницѣ не уступаютъ Черкесскимъ. Овцы, которыя водятся по горамъ, хотя мѣлки, но весьма важны по причинѣ ихъ превосходной шерсти; ибо она длинна, ровна, мягка и весьма способна къ пряжѣ. Козій пухъ мало уступаетъ Ангорскому, изъ котораго дѣлаются шали; посему если бы на размноженіе лучшихъ породъ овецъ и козъ обратили вниманіе, то и намъ можно было бы имѣть волну ровной доброты съ Испанскою и Англинскою. Рогатый скотъ и буйволы малы ростомъ, но столь легки, что они бѣгаютъ большею рысью, почти такъ же скоро, какъ лошади.

Нѣкоторые путешественники назвали Южный берегъ золотымъ дномъ Россіи: я осмѣливаюсь назвать его Романическою страною, Гесперидскимъ садомъ, отъ плодовъ коего вкушалъ только смѣлый и отважный по преодолѣніи многихъ опасностей и безпокойствъ.

Трудность сообщеній, перерѣзанныя пропастями непроходымыя дороги уменшаютъ выгоды, которыми природа столь щедро жителей надѣлила. Изключая немногія мѣста, гдѣ только лѣтомъ могутъ приставать купеческія суда, Южный берегъ непредставляетъ покойныхъ и удобныхъ гаваней: крутые берега, чрезвычайно великая глубина моря, кремнистый грунтъ, вредный для канатовъ, и рейды открытыя сѣверовосточнымъ и Югозападнымъ

наиболѣе другихъ бурнымъ вѣтрамъ, не дозволяютъ жителямъ производить и морскую торговлю. Торговля сія отправляется посредствомъ не большаго числа Татарскихъ лодокъ, во все неудобныхъ для плаванія около береговъ, подверженныхъ сильнымъ вѣтрамъ. Онѣ острокильны (*), по длинѣ своей очень узки и мало поднимаютъ груза; паруса же имѣютъ столь обширные, что при малѣйшихъ порывахъ вѣтра, (которые близъ горъ часто случаются) легко ихъ можетъ опрокинуть.

Татаре, подобно Донскимъ Казакамъ и другимъ Рускимъ промышленникамъ изъ Херсона и Таганрога осмѣливаются перевозить

(*) *То есть глубоко ходятъ въ водѣ.*

грузы на еще худшаго построенія лодкахъ въ Одессу, Θеодосію, и Кезловъ. Безъ карты и компаса, не имѣя понятія о мореходствѣ, плавая, такъ сказать на удачу, весьма часто они тонутъ и погибаютъ отъ своего невѣденія. Посему торговля ихъ, которая въ осторожность отъ чумы ограничена отправленіями изъ одной Ялты, незаслуживаетъ сего названія. Изъ мѣстъ имѣющихъ вѣрное сообщеніе съ внутреннимъ Крымомъ (отъ Алушты до Судака) отправляется въ Россію небольшое количество плодовъ именно: изъ яблокъ, челеби (дворянское), красавица и Синопское, извѣстное у насъ подъ именемъ Крымскаго, нѣсколько сортовъ зимнихъ грушъ и баргамотовъ, Грецкіе и Воложскіе орѣхи и Судацкое вино. Мѣста, находящіяся между Михалаткою и Алуштою

отправляютъ свои избытки изъ Ялты моремъ: я сказалъ выше, въ чемъ состоятъ сіи отправленія.

Что бы дать тебѣ понятіе любезный другъ, объ отважности нашихъ промышленниковъ и какимъ образомъ они плаваютъ по морямъ, я раскажу тебѣ произшествіе, случившееся въ бытность мою въ Кезловѣ. Богатый крестьянинъ Графа Шереметьева, расторговавшійся, какъ онъ мнѣ сказалъ, продажею кваса, а потомъ содержаніемъ тра-ктировъ и подрядами, вздумалъ построить въ Херсонѣ два брига; но какъ постройка ему стоила нѣсколько дороже, какъ по увѣренію другихъ сначала предполагалъ, то онъ разчисливъ остальной свой капиталъ на вооруженіе и грузъ бриговъ, принужденъ былъ снабдить оные старыми вѣтхими

парусами, гнилыми паклевыми канатами и думая обойтися безъ опытныхъ матросовъ и знающихъ Шкиперовъ, которые требовали съ него первые по 70, а послѣдніе по 250 рублей въ мѣсяцъ, онъ нанялъ на рынкѣ поденщиковъ по 20 рублей въ мѣсяцъ, одного изъ нихъ ходившаго на баркахъ избралъ Капитаномъ брига, а на другой сѣлъ самъ.

Усердно помолившись съ братіею Николаю Чудотворцу и вымѣнявъ угодника образъ, онъ пустился въ путь. Въ Очаковѣ, Бранвахтенный командиръ осматривая суда, замѣтилъ, что они дурно вооружены и что ему невозможно итти въ море безъ карты и компаса. Купивъ оныя и заплативъ остальные 10 рублей, мужичекъ съ вѣрою и надеждою отправился въ

Кезловъ. Какое употребленіе, спросишъ ты, сдѣлано имъ изъ карты и компаса? Онъ попросилъ одного опытнаго лодошника, стоявшаго за противнымъ вѣтромъ въ Очаковѣ, научить его что съ ними дѣлать, и по его наставленію проведя на картѣ прямую черту отъ Очакова до Кезлова и такую же на компасѣ, которая показывала курсъ (*) по сему направленію, — вышелъ благополучно въ море. Долго размматривалъ я множество точекъ, (**) продолжалъ онъ, назначенныхъ на картѣ отъ Тендры до Одессы и смѣрявъ шестомъ глубину, радовался, что оная не очень велика. Къ счастію Бриги его погружены были до 11 футовъ, а глубина на

(*) *Путь.*

(**) *Означающихъ мѣлъ.*

сей отмѣли простирается отъ 15 до 20 футовъ, почему и перешелъ оную безъ вреда. Въ слѣдующую ночь другой бригъ съ нимъ разлучился и безъ вѣсти пропалъ.

Хозяинъ, носимый волнами туда и сюда потерялъ дорогу, наконецъ въ 20й день ненарочно попалъ въ Козловъ и думалъ уже, что всѣ желанія его исполнились; но лишь бросилъ якорь, съ моря подулъ довольно свѣжій вѣтръ, бригъ потащило назадъ — вмѣсто того, чтобъ выпустить болѣе каната перваго якоря, онъ бросилъ другой, которымъ тотчасъ проломило подводную часть. Въ отчаяніи мужичекъ опустилъ въ воду и остальной третій якорь. Волненіемъ порвало первый канатъ, а какъ конецъ послѣдняго не былъ привязанъ, то оный высучило и бригъ

съ брадатымъ Робинзономъ и съ товарищи очутился на берегу.

Обратимся къ своей матеріи: напрасно обвиняютъ Татаръ въ чрезмѣрной лѣности: возможно ли на вьючныхъ лошадяхъ, чрезъ неприступныя горы, по опаснымъ тропинкамъ на разстояніи 80 и 100 верстъ перевозить нѣжные плоды, главнѣйшія ихъ произведенія? Знатные путешественники восхитясь красотою и богатствомъ природы, купили большія пространства земли; но за недостаткомъ рукъ не имѣя способовъ обработать романическія свои помѣстья, не имѣютъ отъ нихъ и тѣхъ выгодъ, кои Татаре отъ своихъ получаютъ. Итакъ сія Палестина, сія Райская страна, производящая все, что можетъ удовлетворять вкусъ и взоры самаго роскошнаго человѣка,

помѣщикамъ недаетъ доходовъ; кореннымъ же обитателямъ доставляетъ безъ ихъ труда все изобильно; но они, довольствуясь малымъ, живутъ только для жизни, какъ мѣстное положеніе имъ позволяетъ. Трубка табаку и шешлыкъ (кусокъ) жареной баранины составляютъ всю ихъ роскошь.

Крымскіе Татаре свободны, только поселенные на чужой землѣ платятъ помѣщикамъ десятину изъ своихъ доходовъ, и обязаны работать на господина одинъ изъ десяти дней. Сіи кроткія мѣры нашего Правительства совершенно измѣнили характеръ Татаръ. Привычка къ воровству и жажда къ добычѣ между ими уже не существуютъ; правота ихъ, миролюбіе и гостепріимство заслуживаютъ

всякую похвалу. Но сіи наши добродушные Швейцары, пользующіеся благоразумною свободою, еще сожалѣютъ о прежней своей буйной независимости, когда права сильнаго и богатаго угнѣтали бѣдныхъ, и были единственнымъ закономъ. Съ того времени, какъ они лишены способовъ воевать рускую землю, нравы ихъ много смягчились. Компанія 1812 года, знаки отличія, ими заслуженныя, и добычи пріобрѣтенныя прежнею отвагою, хотя нѣсколько вскружили ихъ головы; но наружное добродушіе, и незлобивый взглядъ удивляетъ всѣхъ путешественниковъ. Впрочемъ потребно еще нѣсколько вѣковъ, чтобы они Константинополь перестали почитать своею Столицею.

Миръ вамъ, благословенные лѣнивцы; миръ вамъ молчаливые

Муллы и величавые мурзы, живите спокойно при шумѣ водопадовъ, въ тѣни вашихъ садовъ, и отдѣленные отъ свѣтскихъ заботъ недоступными горами и глубокимъ моремъ; незная ни корысти, ни тяжебъ, ни людской злобы, живите тихо и безпечно въ уголкѣ вселенной.

Простая жизнь горныхъ Татаръ, обитаемыя ими райскія долины, которыхъ самое высокое стихотворческое воображеніе не можетъ ни представить себѣ, ни описать; хижины ихъ закрытыя отъ солнца плодоносными деревами; звуки постушьихъ свирѣлей, нарушающихъ пустынное безмолвіе окружающихъ ихъ скалъ; словомъ все изображаетъ здѣсь златый вѣкъ, первобытное состояніе Аркадскихъ жителей и все вливаетъ

любовь къ пріятной, сельской уединенной жизни. Здѣсь, просвѣщенному человѣку, рѣшившемуся оставить свѣтскія суеты, можно найти совершенное спокойствіе и мирное съ самимъ собою и природою житіе.

Римляне покоривъ какую либо область, дабы удержать въ повиновеніи народъ, во первыхъ старались исправить сообщенія. Сдѣланныя ими дороги, и по сіе время свидѣтельствуютъ о ихъ славѣ; и въ наши времена сооружены подобные памятники, долженствующіе служить пользѣ позднѣйшаго потомства. Дорога отъ Фіуме до Карлштада, построенная извѣстнымъ инженеръ-Генераломъ Вукасовичемъ, для облегченія торговли сего приморскаго города съ Венгріею, представляетъ образецъ

искуства, необыкновеннаго труда и чрезвычайныхъ издержекъ. Тамъ ужасныя пропасти Кроатскихъ горъ засыпаны; тутъ двѣ горы раздѣленныя быстрою рѣкою, текущею въ глубокой стремнинѣ, соединяются длиннымъ мостомъ, поставленнымъ на гранитныхъ Аркахъ; а тамъ, крутый скатъ горы взорванъ, дорога гладкая и ровная всѣчена въ бокъ и ограждена съ одной каменными перилами а съ обоихъ сторонъ каналами и спусками для стоку воды. По симъ дорогамъ идущимъ зикзакомъ, самыя тяжелыя повозки, достигаютъ вершинъ высочайшихъ горъ безъ малѣйшаго затрудненія.

Французы въ 1807 году чрезъ всю длину кремнистыхъ Далмацкихъ горъ просѣкли военную дорогу, по коей со всею удобностію, какъ

по ровному полю, можно ѣхать въ экипажахъ и возить артиллерію. Южныя Крымскія горы непредставляютъ столь многихъ и непреодолимыхъ затруденій. Для сдѣланія прочной дороги нужно искуство только отъ мыса Аій до Алупки, и то мѣстами: у Скалы, около Кучукъ—коя и назыбкихъ пещанныхъ горахъ, составляющихъ всего вообще неболѣе 10 верстъ; а прочія дороги стоитъ только разширить, очистить и исправить. Издержки, сколько примѣрно положить можно не превзойдутъ и полмилліона рублей. Такимъ необходимымъ пожертвованіемъ отвратятся неудобства, и полуденный берегъ Тавриды содѣлается въ настоящемъ смыслѣ новымъ, весьма важнымъ и полезнымъ для Россіи приобрѣтеніемъ.

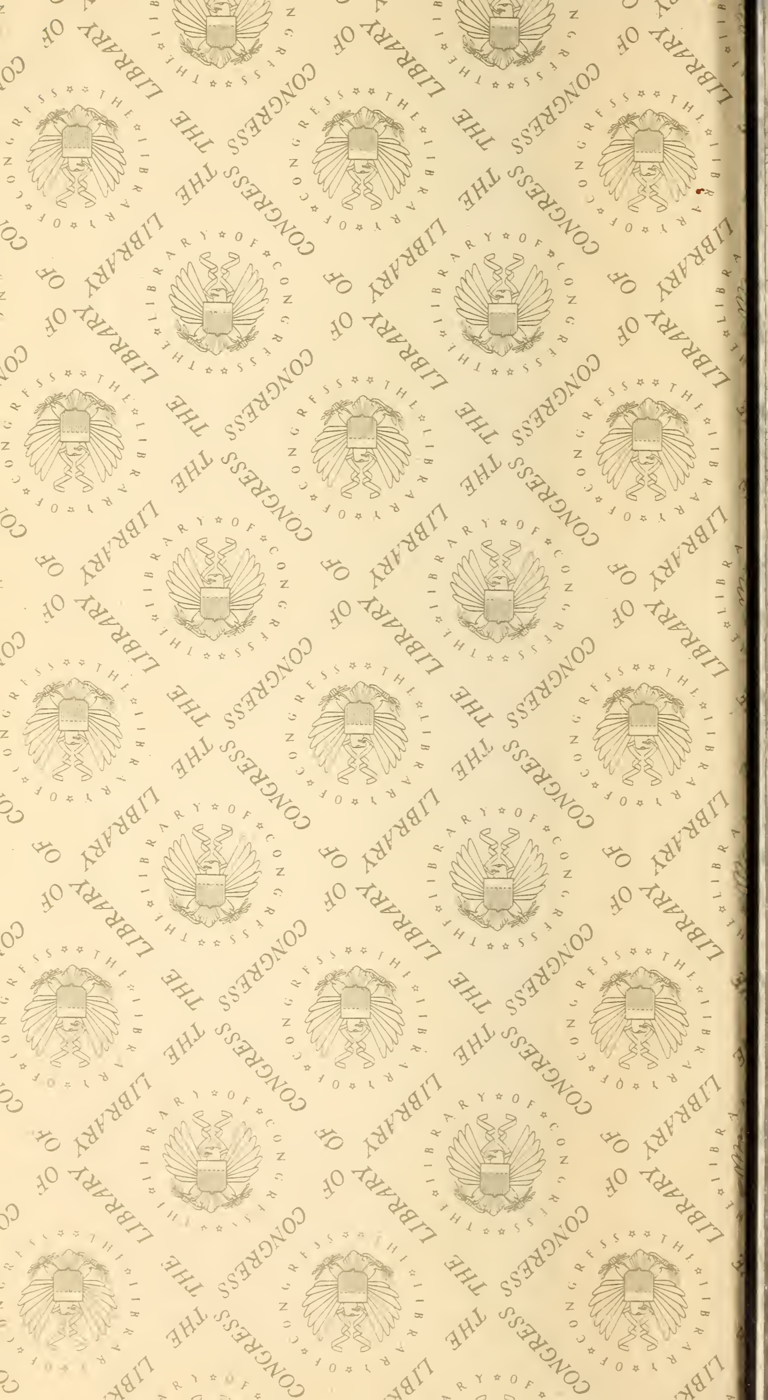
Тогда Ялта, Парфенитъ, Ламкадъ, Алушта, Юскупъ и Судакъ, востанутъ — отрясутъ пеплъ ничтожества, населятся, торговля ихъ въ скорости процвѣтетъ, и доставитъ Россіи такія выгоды, о которыхъ теперь и думать невозможно. По сдѣланіи дорогъ найдутъ способъ рубить на горахъ строевый лѣсъ, твердостію и прочностію превосходящій Кедры Ливанскіе. Въ севастополѣ построятся тогда военныя корабли, которыя, стоя дешевле, прослужатъ втрое, нежели нынѣшніе, строенные изъ сыраго, рыхлаго, Польскаго дуба.

Разчистивъ непроходимые лѣса, насадятся виноградные лозы, и чрезъ нѣсколько лѣтъ полуденная Россія не будетъ имѣть нужды покупать иностранныя вина.

Миндаль, Винныя ягоды, Абрикозы, Лавровый листъ, Перецъ, сладкіе Стручки, Каперсы, Оливки, Терпентинъ и множество другихъ сушеныхъ и свѣжихъ плодовъ, кои теперь получаемъ изъ за границъ, будемъ имѣть свои. Наконецъ шелководство, улучшеніе конскихъ заводовъ, размноженіе рогатаго скота, Мериносовъ и Козъ, кои и теперь имѣютъ свои достоинства, суть тѣ значительныя выгоды, которыя произойдутъ отъ устроенія дорогъ, необходимыхъ Южному берегу.

Здѣсь о благѣ подданныхъ попечительный Монархъ найдетъ обширное поприще для мирныхъ трудовъ; и здѣсь однимъ маніемъ повелительной руки его умножатся богатства сей прекраснѣйшей и изобильнѣйшей части его Имперіи.

Конецъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 939 544 0